

Талисман для князя. Щит рода

Автор:

Мелина Боярова

Талисман для князя. Щит рода

Мелина Боярова

В родном мире я выросла сиротой и без раздумий пожертвовала собой ради близких. Новый мир подарил мне три года счастливого детства, семью и любящих родителей. Но однажды враги пришли в наш дом и отняли тех, кого полюбила всем сердцем. Я отомщу убийцам, даже если один из них тот, кого наш род обязан защищать.

Первая книга цикла.

Мелина Боярова

Талисман для князя. Щит рода

Глава 1

Я проснулась от удушливого запаха дыма и тянущего ощущения надвигающейся беды. Первые мгновения не могла поверить, что это происходит снова, а потом соскользнула с постели и бросилась к сундуку, на котором, вычищенная и отглаженная, лежала одежда для утренних занятий. Свободные брючки из плотной ткани, нательная рубашка, жилетка из грубой кожи с металлическими вставками. На бедра привычной уже тяжестью легла перевязь с ножнами для парных мечей, изготовленных под мою руку.

Ночную темноту за окном разгоняли яркие языки пламени, вырывающиеся из дальнего крыла здания. Огонь бушевал в караулке и жилом крыле для воинов отцовской дружины. Я метнулась к двери, тихонько приоткрыла и выглянула в коридор. Пусто! Но снизу доносились глухие удары, хрипы, звон металла – сбывались самые худшие предположения. На имение напали, и там, в коридорах, погибали ближники, своими жизнями выгадывая для нас драгоценные минуты.

Несмотря на панику, проникающую под кожу липкими щупальцами, я думала и действовала так, как учил отец, как подсказывали инстинкты выживания. Для начала накидала подушек на середину кровати и накрыла их одеялом, создавая видимость спящего ребенка. Да, мне всего девять в этом мире, из которых три последних года я прожила в семье Забелиных. Но когда-то в прошлом меня звали Ингой Симакиной и прежде, чем несчастный случай разрушил мою жизнь, я успела выйти замуж и родить двух детей. На глаза навернулись слезы, как обычно бывает, когда накрывают воспоминания о потерях. Усилием воли загнала память о них в дальние уголки сознания. Сейчас угроза нависла над ставшими родными отцом и матерью, и гостями родового поместья.

Неслышной тенью подобралась к окошку и бесшумно его приоткрыла. Иногда я пользовалась таким способом, чтобы незаметно покинуть комнату, поэтому заранее смазывала петли, и они ни разу еще не подвели. Перед тем, как уйти, окинула взглядом детскую, запоминая малейшие детали. Неприятное предчувствие, что сюда больше не вернусь, задержало еще на полминутки. Из тайника за шкафом я забрала дневник с личными записями и подхватила со стола шкатулку с детскими сокровищами. Ну, как сокровищами? В основном, я хранила там подарки, что дарили на день рождения: красивые заколки, парочку браслетов, подвески с драгоценными камешками, три пары сережек. Попутно распотрошила копилку, куда собирала медные монетки. В повседневной жизни деньги мне не требовались, потому что родители обеспечивали всем необходимым. Но кто знает, чем закончится эта ночь? Возможно, придется бежать и провести несколько дней, прячась в лесу, пока тут все не уляжется.

Рассовав богатства по карманам, я привычным маршрутом выбралась наружу. На уровне третьего этажа чуть ниже окон имелся декоративный карниз, опоясывающий здание по периметру. Осторожными приставными шажочками, цепляясь за выступы и неровности кладки, я легко перебиралась в любое помещение на этом уровне. Взрослый человек таким способом уже не смог бы воспользоваться, карниз слишком узкий, чтобы зацепиться. А у ребенка, которого три года муштровали, гоняли по всевозможным полосам препятствий и

учили бою на мечах, это действие не вызывало затруднений.

К сожалению, расположение комнат соответствовало давним традициям, когда женское крыло отделялось от мужского и обустроивалось в глубине здания. Это самая укрепленная часть дома, в которую враги попадут лишь через трупы защитников. Комнаты опутаны магическими щитами и ловушками. У каждой женщины обязательно есть оружие, и тех минут, что понадобятся врагам на преодоление последнего рубежа, слабой половине хватит, чтобы принять непростое решение. Иногда смерть – единственный выход для бедняжек, участь которых в случае захвата незавидна.

Накануне в имение Забелиных съехались все близкие родственники. Младшему брату Данияру исполнилось три года, и это тот возраст, когда одаренный ребенок проходил первую инициацию. Знаковое событие, которое определяло будущее малыша, его потенциал как мага и положение в семье. Как правило, инициация – это таинство, куда не пускали посторонних. Она проводилась в святилище – родовом источнике силы, где ребенок предстал перед духами предков и обретал с ними крепкую связь через особую магическую печать. У каждого древнего рода, образовавшегося еще в Смутные времена, имелся отличительный знак, который проступал в виде метки на левой височной части лица. Обычным людям такие знаки не видны, но одаренные всегда распознают друг друга. Данияр еще не получил печать из-за огненного дара, доставшегося ему по материнской линии. Моя новая мама из высших дворян, князей Шумских, славящихся сильной огненной стихией. Вот только княжеских привилегий Светлана Агнияровна лишилась, когда без родительского согласия вышла замуж за отца и разорвала отношения с родом.

– Это я, – отвлеклась от тягостных мыслей, когда достигла соседнего помещения и поскреблась в окошко няньки Марьяны Никитичны.

В комнате царил темнота, но при моем появлении тут же вспыхнул магический светильник, и серая тень бросилась открывать ставни.

– Нина! – меня втащили внутрь и крепко прижали к себе. – Живая! – всхлипнула женщина с облегчением и расцеловала в обе щеки. – А я уже за тобой собралась идти.

– Что происходит? Кто на нас напал? – я никак не могла унять волнение.

Одной было уже не так страшно, уверенности придавало присутствие рядом взрослого человека. Будь я действительно Ниной Забелиной, то на этом бы и успокоилась. Но в детском теле обитала душа взрослого человека, и она буквально кричала, что ничего еще не закончилось. Самое плохое впереди.

– Не знаю, родная, – отдать должное, Марьяна Никитична сумела взять себя в руки. Видно, прежде переживала, что до меня уже добрались убийцы, сейчас же няня готовилась дать отпор любому, кто посмеет навредить кровиночке. – Костенька, – это она так папу звала, которого вырастила с пеленок, – распорядился в нашем крыле Захара и его ребят поставить на охранение. Как чувствовал, что беда грянет! Уходить нужно!

– А как же мама, брат? Я Данияра не брошу!

Спасаться, когда близким грозит неминуемая смерть? Никогда! Этому категорически противилась Инга Симакина, уже потерявшая одну семью. А также против бегства восставало мое новое я, обязанное существованием маленькой девочке, которая пожертвовала собой ради младшего брата. И третьей нерушимой стеной вставал магический дар, призывающий на защиту невинных.

– Но что мы сделаем против опытных воинов? На нас самое малое магистра выпустили и десяток подмастерьев. Я видела, как ворота играючи вынесли, – няня сокрушенно покачала головой.

– Вот найдем Захара Платоновича и будем прорываться к своим, – приняла я единственное в этой ситуации верное решение. – Вместе проще защищаться.

Окинув женщину взглядом, с удовлетворением отметила, что та времени зря не теряла. Переделалась в костюм для верховой езды, который по виду лет десять пылился в сундуках, выбрала удобную обувь. На столе ожидала раскрытая дорожная сумка с самыми необходимыми вещами. Издалека я разглядела крышки флакончиков с лечебными и укрепляющими зельями, бинты, набор медицинских инструментов. У Марьяны Никитичны были слабенькие способности к целительству, на уровне деревенской знахарки, умеющей останавливать кровь и заговаривать травы. Плюс к этому богатый опыт по воспитанию наследника, с малолетства обучающегося воинскому ремеслу. Практикой в лечении ран, ушибов, растяжений и переломов Марьяна Никитична обеспечена с того самого

возраста, как Константин Даниилович ходить научился. Теперь вот и со мной забот прибавилось. С тех пор, как я осознала себя в теле шестилетней Нины Забелиной, у меня обнаружилось родовое умение создавать непробиваемые щиты, и не только. Собственно, с тех самых пор глава рода и наказал осваивать воинское искусство.

– Нинушка, может, все-таки не стоит лезть на рожон? – замешкалась у двери женщина, не решаясь снять магическую защиту. В руках няня нервно сжимала рукоять охотничьего ножа и переводила неуверенный взгляд с него на меня и обратно. – Опасно ведь!

– «Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью», – процитировала девиз, выбитый на родовом гербе Забелиных, чувствуя, как вокруг сплетаются фиолетовые всполохи магического щита.

Сама не знаю, что меня подвигло произнести эти слова. Ведь это не только девиз, но и часть ритуальной клятвы, что приносил каждый представитель рода, поступая на службу. Наверное, это напоминание высших сил, что мой долг защищать эту семью.

– Девочка моя, – Марьяна Никитична прослезилась, – идем! – резким движением смахнула слезу со щеки и распахнула дверь.

В нос ощутимо ударило запахом гари с тяжелой примесью металла. В конце коридора кипело сражение. Я видела напряженные спины воинов и невольно подмечала, как скупно они двигаются, экономя силы. Чувствовала, как трещит под ударами их броня, как один за одним выходят из строя амулеты защиты. У стены, свесив голову, привалился раненый. Его рука, зажимающая бок, уже окрасилась красным, а на полу натекла лужа крови. Это отрок Сенька, который неделю назад проходил испытание на ранг новика. Экзамен принимал Захар Платонович, мастер боя на мечех и воевода отцовской дружины.

– Помоги ему, – кивнула я на паренька, а сама отправилась на подмогу остальным.

В душе я обмирала от ужаса, но, упрямо стиснув зубы, все равно шла вперед. Никогда еще не стояла на острие атаки, прикрывая остальных. Одно дело –

рассказы отца, что родовая защита в случае смертельной опасности выдержит удар виртуоза. Другое – когда видишь перед собой сильного противника, который пришел убить тебя и твою семью. Именно беспокойство за близких рождало еще больший страх – страх возможной потери.

В пылу схватки опасно подходить к воину сзади – эту истину я усвоила на тренировках, поэтому замерла в нескольких шагах от ближайшего воина. Дядьку Михея ранили, и поэтому поставили на вторую линию обороны. Я растянула защиту, чтобы закрыть мужчину от магических всполохов, методично просаживающих охранный амулет. Когда щит отразил сильную атаку, полыхнув фиолетовым пламенем, Михей резко обернулся.

– Боярышня! – изменился в лице, увидев меня, – да что же вы это? Зачем из комнаты вышли? Мы бы сами тут управились.

– Мы должны помочь папе! Скажите Захару Платоновичу, что я буду прикрывать, сколько смогу, а вы...

– Нина Константиновна, – замотал он головой, – нехорошо это, за спиной ребенка прятаться.

В этот момент коридор озарился яркой вспышкой сильного магического удара. Защитные амулеты на воинах первой линии сверкнули и разрушились, исчерпав последние ресурсы. Сама не поняла, как подалась вперед, закрывая людей щитом. Сил у меня не так много, и я еще никогда одновременно не защищала столько народу разом, но другого выбора не оставалось. Погибнут они, а следом и наш с Марьяной Никитичной черед настанет.

– Нам надо к отцу! – чувствуя, как от напряжения дрожит голос, крикнула Захару Платоновичу.

К моему облегчению, он не стал спорить и скупыми фразами отдал приказ забрать раненого и идти на прорыв. До родительских покоев тут рукой подать. Внутренняя архитектура помещений будто специально создавалась для удобства обороняющихся и изобиловала выступами, за которыми легко спрятаться. Единственное открытое место – проход над парадной лестницей. Перед тем, как решились его пересечь, позволили себе минутную передышку. Марьяна Никитична чуть ли не на ходу обрабатывала раны воинов и раздавала

укрепляющие эликсиры. Мне нянька тоже поднесла к губам флакончик и проследила, чтобы я проглотила содержимое до дна. Зелье прибавит сил, высвобождая скрытые ресурсы организма, однако расплачиваться придется физической слабостью, а то и потерей сознания. Но это будет позже, а пока нужно преодолеть последние двадцать метров и ударить в тыл нападающему на главу рода противнику.

Едва я выскочила на открытое пространство, как в воздухе загрохотали выстрелы. Это в узких коридорах воины не применяли огнестрельное оружие из-за риска оглохнуть или попасть под рикошет, а тут мы оказались на виду. С ужасом поняла, что щит от выстрелов проседает в два раза быстрее, чем от магических ударов. Отряд хоть и не стоял на месте, и даже огрызнулся, стреляя в ответ, но каждое попадание истончало защиту. А впереди еще враги, которые слышали звуки боя и развернулись, чтобы дать отпор.

- Я - щит рода, - шептала сквозь пелену слез и дурноту, подкатывающую к горлу, - я - твердь, я... - пошатнулась, чувствуя, как покидают силы.

Меня подхватили, чтобы не упала, и толкнули вперед. Я врезалась в воина, что закрывал собой от убийц. Что-то чиркнуло по лбу, выбивая красные брызги. Какое-то время я таращилась на острие клинка и не понимала, откуда он взялся в спине Михея. Но потом сталь с чавкающим звуком исчезла, а из раны хлынула кровь. Мужчина рухнул навзничь, сбивая меня с ног и накрывая тяжелым телом. При падении я приложилась головой об каменный постамент и уже не услышала, как взревели от ярости воины. Не почувствовала, как меня подхватили на руки и вынесли из-под обстрела. Не увидела, как вмиг поседел отец, которому передали мое бездыханное тело. Очнулась в святилище от звуков боя и отчаянного плача Данияра. Здесь уже пролилась кровь и нашли погибель десятков младших родичей. Возле источника собралась горстка выживших. Из женщин только няня и мама Света. Еще двое старших сыновей двоюродных братьев отца и Савелий Андреевич, наш дворецкий. Последний едва держался, умирая от полученных ран и со свистом глотая воздух.

Мама пыталась успокоить Данияра, который не понимал, что происходит, и хотел вернуться в кроватку. За мной присматривала Марьяна Никитична, которая тихонько всхлипнула, когда я пришла в себя. Она прижимала меня к себе одной рукой, а вторая неподвижно висела на перевязи. Последним рубежом обороны стоял глава рода и чудом еще державшийся на ногах Захар Платонович. Судя по истончающемуся щиту, надолго их не хватит. Воинов в

графитовой экипировке, прячущих лица за масками с прорезями для глаз и рта, в святилище набилось десятка два. Но они держались позади мага, который, как заведенный, наносил удары по фиолетовому щиту. С холодящим спину ужасом ожидала того момента, когда наступит неминуемый конец. В том, что никого не пощадят, я не сомневалась. Никому не нужны свидетели кровавой расправы над дворянским родом.

Наверное, тому, кто устроил резню, надоело ждать. Воины у входа расступились, пропуская вперед фигуру в черном. Бархатная маска скрывала лицо и даже родовой знак на виске, но я все равно узнала убийцу. Впрочем, как и Константин Данилович, силы которого иссякли, и он не упал лишь потому, что опирался на меч.

– За что? – вырвалось у главы надрывным хрипом. – Мы ведь не враги тебе!

Старик снял маску, понимая, что инкогнито раскрыто. Он сделал знак подручному, указав на брата. Тот забрал Данияра, грубо вырвав ребенка у матери, и передал хозяину. Я удивилась, когда малыш вдруг успокоился на руках у чужого человека. Убийца ухмыльнулся, подцепив мизинцем кулон с красным камнем, болтающийся на груди Данияра.

– А я все гадал, как удалось усмирить стихию, – цокнул он языком. – Надо же, родовой амулет Старцевых! Оказывается, вот куда он пропал на две сотни лет.

– Отец! – взмолилась мама и бухнулась на колени перед стариком. – Пощади хотя бы детей. Ниночка ведь твоя внучка, она...

– Гнилое семя! – скривился дедуля, – которое следует вырвать с корнем, чтобы не проросло. Заканчивайте здесь! – отдал он приказ цепным псам и тут же засюсюкал с малышом, – а у нас впереди еще столько дел. Первая инициация будущего наследника, хлопоты по случаю праздника, гости, подарки.

Развернувшись, старик направился к выходу, а к нам метнулись серые тени, неся с собой неумолимую смерть. Папа и Захар синхронно отступили, прикрывая меня и маму, но силы слишком неравные. Будто в страшном сне вижу, как падают тела, исколотые мечами, и гибнут люди, к которым прикипела душой. Из груди рвется истошный крик. Не помня себя, бросаюсь на убийц с детским оружием, которое их только смешит. С размаху напарываюсь на клинок, и плечо обжигает

острой болью. Затем неведомая сила отрывает от пола и кидает в источник. Воздух рассекает свист стали. Я крепко зажмуриваюсь в ожидании новой порции боли и отчаянно желаю оказаться как можно дальше отсюда.

Глава 2

Падение вышибло воздух из легких, который вырвался из горла вместе со сдавленным стоном. Рана на плече горела и причиняла невыносимые страдания. Но они меркли на фоне адского пламени, что пожирало сердце, вырубцовывая на нем имена дорогих людей. Новая семья, самые лучшие в мире мама и папа – единственное, что мирило с другой потерей. В прежней жизни остались муж и двое ребятишек. Дня не прошло, чтобы я не вспоминала о них. А теперь, что меня ждет? Еще одна смерть? Или жалкое существование под крылом убийцы? Не хочу! Почему они медлят? Почему не избавят от мучений? Ведь князь Шумский отдал ясный приказ разделаться с нами побыстрее.

Время шло, отмеряя секунды барабанной дробью в висках, а долгожданного облегчения не наступало. Более того, я вдруг осознала, что лежу на подстилке из прелых листьев и мха, а в бок упираются колючие ветки. Вдобавок, заоченела от холода. Или это озноб колотит, ведь в конце лета ночи еще теплые? С трудом разлепила глаза и ничего не увидела в темноте.

Нет, я точно не в подземелье, где расположено святилище! В работу включилось обоняние, которое безошибочно угадало пряные ароматы леса и приторно-сладкий, отдающий металлическим привкусом, запах крови. Царящую вокруг тишину разбавляло еле различимое стрекотание сверчков. Воздух звенел будто натянутая струна, и каждый шорох, шелест крыльев или вой ночных охотников рождал неосознанное чувство тревоги. Как я сюда попала? Чуть приподнялась и тут же рухнула, не в силах сдержать брызнувшие из глаз слезы. Малейшее движение требовало титанических усилий. Это последствия отката после магического зелья давали о себе знать. Прибавить к этому само ранение, возможное заражение крови, и картина вырисовывалась печальная. Может, оно и к лучшему? Что я за щит такой, если не уберегла самых дорогих людей? Слабая, никчемная и никому не нужная. Я подтянула колени к подбородку и тихонечко заскулила.

Осторожные шаги, под которыми поскрипывала листва и сухие веточки, я расслышала слишком поздно. Затихла, гадая, кто это пожаловал, человек или хищник? В обоих случаях ничем хорошим ночная встреча не обернется. Вопрос только в том, кто из них подарит легкую смерть. Дед Агнияр приказал от меня избавиться, считая пустышкой, как и мать. Но мое исчезновение доказало, что способности все-таки есть. Они и были, только никто в здравом уме не афиширует этого перед посторонними. Это наша с отцом тайна, которую мы скрывали даже от мамы. И это та причина, по которой меня станут искать.

– Кто здесь? – мужской голос похоронил последнюю надежду на скорое избавление от мучений. Я сжалась, проклиная слабость и горькую судьбу, что накликала на мою долю еще испытаний. – Эй, малец, ты живой? – меня резко развернули, схватив за пострадавшее плечо.

Я пронзительно вскрикнула и обмякла, проваливаясь в беспамятство. Приходила в себя постепенно, медленно выныривала из вязкого кошмара, цепляющегося за сознание липкими щупальцами. Открывать глаза и проверять, где нахожусь, не хотела. Тупое нытье в плече уже не оттягивало внимание на себя, физически я чувствовала себя сносно, но в остальном... Перед глазами так и стояла сцена кровавой расправы в родовом святилище.

Зачем меня спасли? – одинокая слеза скатилась по щеке.

– О, ну раз уже сырость разводишь, значит, очнулась, – кто-то тяжелый присел на кровать, приминая ее немаленьким весом, – давай уже, спящая красавица, просыпайся! Знакомиться будем.

Как-то повлиять на ситуацию, в которую попала, я не могла. Противостоять взрослому мужчине, а судя по голосу, со мной не подросток общался, нечего и думать. Но никто не заставит общаться с этим... этим, не знаю, с кем. Поэтому отвернулась и стиснула покрепче зубы.

– Пф-ф, – живо отреагировал незнакомец, – что за капризы? Слушай, я и так время потратил, задержался тут дольше, чем планировал. И это благодарность за спасение? Совсем Забелины обмельчали. Чему тебя только отец учил?

Упоминание о родном человеке вызвало такую ярость, что я тут же захотела высказать этому гаду все, что думаю! Никто не смеет отзываться о папе в таком

тоне! Вот только я недавно решила, что не произнесу ни слова, поэтому до крови закусил губу. Но глаза распахнула и уставилась на мужчину, чтобы запомнить еще одного вра...

- Ты кто такой? - невольно сорвался с губ вопрос.

Я даже приподнялась от удивления, не обратив внимания на прострелившее плечо. Незнакомец явно имел отношение к Забелиным. Это и светловолосая шевелюра с пробивающейся сединой, и разрез глаз, и высокий лоб, и скулы. Вот только вязь рун на виске разительно отличалась от той, что носили представители рода. Неправильная какая-то! Вместо того чтобы усиливать способности, связывая родича со святилищем и духами предков, она будто тисками сдавливала энергетические каналы, перекрывая свободный ток силы. А это, между прочим, вело к серьезным проблемам. В одних местах энергия скапливалась и разбухала в узловых точках, как переполненный водой шар. В других из-за недостатка энергии каналы усыхали и постепенно отмирали.

Взгляд прикипел к правой руке мужчины, затянутой в кожаную перчатку. Внешне - ничего особенного, но это, если не видеть разорванных каналов главного рабочего узла. Не каждый одаренный обладает видением магических потоков, чтобы это понять. Я всего пару месяцев назад узнала, что в этом сильно отличаюсь от других магов. Но сейчас речь не об этом. Меня магнитом притягивала перчатка и то, что за ней скрывалось. Осторожно коснулась мужской ладони и развернула к себе. Незнакомец не сопротивлялся, с некоторой снисходительностью наблюдая за моими действиями. Я же, сообразив, что возражений не предвидится, потянула заклепки на ремешках, что крепко прижимали изделие к телу. Освободив часть ладони, судорожно сглотнула. Кость и часть мышечной ткани отсутствовали. Их заменял искусственный протез - продукт этого мира, сплав магии, металла и механизмов.

- Ты тот самый отступник, владеющий стихией огня, которого отец вызвал, чтобы провести инициацию для Данияра, - констатировала я факт и поникла от разочарования. Мужчина лишь пожал плечами и занялся тем, что вернул на место перчатку и крепко затянул ее на запястье. - Не знаешь, кто-нибудь еще выжил? - вопрос давно крутился в голове, только спросить было не у кого.

Теперь вот появилась возможность, но страшно услышать ответ.

– Нет, – мужчина мотнул головой и уставился в окно, избегая прямого взгляда. – Древнего рода Забелиных официально больше не существует. Специальная комиссия, расследующая происшествие, постановила, что имел место несчастный случай. Стихийный выплеск силы повлек за собой уничтожение источника. Константин Забелин – последний, в ком текла древняя кровь. Побочные ветви не в счет, да и не осталось их больше. Вся семья собралась в святилище, когда случился взрыв. Никто не выжил: ни сам глава, ни его жена, ни двое их детей, ни остальные родственники.

– Что за бред? Какой несчастный случай? – произнесла сквозь всхлипы и брызнувшие слезы. Ничего не могла поделать, любое напоминание о родителях причиняло нестерпимую боль. – На имение напали дружинники князя Шумского! – сорвалась я на крик. – Они убили всех! Убили по приказу князя! Он пришел за Данияром, а от нас избавился, как от ненужного мусора! Маму не пощадил и меня, «гнилое семя», велел вырвать с корнем. Мы защищались до последнего, никто не сдался. И я должна была умереть вместе с ними! – закрыв лицо ладонями, я разрыдалась в голос.

Утешать меня никто не собирался. Отступник всучил платок и оставил в одиночестве. Вернулся примерно через час, когда я затихла и равнодушно созерцала потолок, не представляя, что делать дальше.

– Успокоилась? – вопрос я благополучно проигнорировала, даже не шелохнулась. О чем разговаривать с человеком, которому наплевать на чужое горе? – Отлично, – хмыкнул он, недовольный моим поведением. – Снова капризы? Пожалуй, сдам тебя в службу опеки, пусть там нянчатся.

«Ну и сдавай! – меня захлестнула обида. – Плевать, что будет».

– Или продам в подпольный бордель, – пригрозил он. – Хоть деньги за потерянный билет выручу. – Не дождавшись реакции, отступник продолжил разглагольствовать. – Может, стоит сдать тебя Шумским? Принесешь клятву служения и будут тебя использовать по прямому назначению. Сначала под младших княжичей подложат, а вдруг дети редкий дар унаследуют? Все-таки древняя кровь не водица. А не получится, так еще одной подстилкой больше станет.

Я и без напоминаний знала, какая участь меня ждет. Судьба сирот похожа во всех мирах. Улица либо приют, где каждый день превратится в борьбу за место под солнцем. Редко – приемная семья, но не всем так везет. Ну а в моем случае кабальная клятва с тем самым итогом, что озвучил родственничек. Жестоко? Вовсе нет, это нелицеприятная правда, с которой я уже сталкивалась. Последние три года спокойствия превратили меня в плаксу и неженку, несмотря на ежедневные тренировки и занятия магией. А между тем отец готовил защитницу, учил без страха встречать опасности и помнить, кто я на самом деле.

– Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью, – зашептала слова как молитву, повторяя их снова и снова.

Отступник поначалу распинался, фантазируя на тему моего неблагоприятного будущего, а потом внезапно затих. Не сразу поняла, что он просто расслышал мое исступленное бормотанье.

– Вот, что, «малец», – насмешка из голоса исчезла. – В шкафу лежат вещи, еда на столе, номер оплачен на сутки вперед. Времени у тебя до вечера, решай, как будешь жить дальше. Захочешь уйти – дверь открыта, никто не держит. Останешься – будешь слушаться беспрекословно. Нытья, капризов или барских заскоков не потерплю. И главное – никаких разговоров о мести. Ты теперь никто, простолюдин, и даже косо не смеешь посмотреть в сторону аристократа. По крайней мере до тех пор, пока не докажешь, что чего-то стоишь.

Я расслышала, как хлопнула дверь, но даже не подумала пошевелиться. Мало того, что у меня отняли будущее, так еще и в мести отказывают?

Не бывать этому! Я подскочила и принялась лихорадочно собираться. Одежда, как и сказал отступник, висела в шкафу. Не моя, правда, но не разгуливать же в исподней рубашке? Холщовые штаны на завязках, стеганая безрукавка, пояс. Поверх полагалась плотная куртка размера на два больше, чем нужно, а на ноги – грубые сапоги, что на поверку оказались велики. С ностальгией вспомнила полусапожки из мягкой кожи, брючки и остальное платье, что шилось на заказ из тканей даниловских мануфактур. Однако вещи – пол беды! Куда делся дневник и детские сокровища? Дело даже не в их стоимости, а в том, что они дороги как память. Теперь уже как память, хотя я и раньше бережно относилась к подаркам. В поисках пропажи перевернула комнату вверх дном, но так ничего

не нашла. Понятно, что теперь я никуда не уйду, пока не спрошу с этого... этого наглого воришки, куда дел украшения и оружие. В лесу не хватило сил проверить, потерялось оно в пылу схватки или же я прихватила его с собой. Зато позже было достаточно времени, чтобы вспомнить каждую секунду роковой ночи. Когда я кинулась на убийцу матери, в руке сжимала лишь один клинок, другой оставался в ножнах. А потом меня отшвырнуло к источнику, так что правый меч я навсегда потеряла. Но второй остался! Эти мечи подарил отец, и за них я глотку перегрызу.

День в ожидании тянулся невыносимо долго. Я раз десять порывалась уйти, но в последний момент останавливалась. А вдруг отступник вернется? Вдруг решит, что ушла, и тогда я его никогда не найду? Металась, как тигр в клетке, концентрируюсь на злости и вытаскивая из прошлого позабытую манеру поведения озлобленного волчонка. К вечеру я даже расколошматила стол, выплеснув накопившуюся ярость. С особенным удовлетворением превратила посуду в груды обломков, тем более что обед давно уничтожила.

Как ни странно, но эта выходка дала волю эмоциям и успокоила. Иной раз я забывалась, что вышла из возраста, когда истерикой или капризами можно чего-то добиться. Да что там! Я забывалась, что разменяла третий десяток, и вела себя как ребенок, живо интересуясь окружающим миром. А как не интересоваться, если действительность не переставала удивлять? Каюсь, в прежней жизни нечем похвастаться: училась из рук вон, школу закончила на тройки. Максимум, на что хватило, поступить в кулинарное училище, которое бросила, когда встретила Коленьку. А дальше замужняя жизнь, хлопоты, детишки – я растворилась в семейном уютном мирке и абсолютно не интересовалась, что происходит вокруг. Здесь же все было похожим, но каким-то другим, будто я попала в конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Паровые машины, дирижабли, самоходные повозки – как же я тарасилась, угорая от их нелепого вида. Помнится, Марьяна Никитична лишила сладкого из-за неподобающего поведения. Однако механическими штучками человека двадцать первого века не удивишь. До глубины души поразило другое – магия! Некое таинство для избранных, к которому вдруг оказалась причастна. И первое разочарование – сил у меня не так уж и много. Вернее, они придут со временем, когда подрасту, научусь управляться с потоками, возьму их под контроль и пройду вторую инициацию. А последнему уже не суждено случиться. Святилище уничтожено, источник разрушен и нет больше тех, кто мог бы провести ритуал. Из Забелиных выжила только я и изгой, которого отрезали от источника и обрели на медленную смерть.

Значит, заслужил! Мысли вновь перескочили на родственничка: это как же он допек главу рода, что тот провел отречение? Рожа хоть и благородная, а на деле – проходимец последний. И моя жизнь теперь зависит от этого человека? Вот угораздило! Нет, как только верну свое имущество, наши пути разойдутся. Уж как-нибудь не пропаду.

Однако весь боевой настрой испарился, когда в номер ввалился побитый отступник. Он еле доплелся до кровати и рухнул ничком, не заботясь, что та уже занята. Я едва отскочила, не зная, как реагировать на подобное.

– Эй! Как там тебя? – потеребила его за плечо, – что случилось?

– Малец? – он вскинул голову и посмотрел мутным взглядом. – Не сбежал еще? А я так надеялся! Тогда вот тебе первое задание: на рассвете прибыть к седьмому причальному доку. Корабль «Буран», капитан Буран... ский. Договорился... и все ик... оплачено.

Меня окатило облаком настолько едкого сивушного перегара, что я опрометью бросилась к ведерку, служившему для отхожих нужд, и опустошила желудок. Следом накрыла тошнота и боль в плече. За день я притерпелась и старалась не обращать внимания на неудобства, но от резких движений рана начинала нестерпимо ныть. Распахнула ставни, чтобы глотнуть свежего воздуха. Мало мне в жизни проблем, теперь еще алкаш-родственничек прибавился.

В это время в дверь робко постучали. Не услышав ответа, а я замешкалась, не зная, кого это принесло, в номер пожаловал гость. Мальчишка лет семи, надрываясь от тяжести, приволок чугунок с чем-то аппетитно пахнущим. Замер на пороге, уставившись на завалившийся стол и разбитую посуду.

Мда, погорячилась немного.

Я стояла в тени, чуть сбоку от окна, в которое как раз заглянуло попрощаться вечернее солнце. Наверное, лучи ослепили служку, раз меня не заметил. Воровато оглянувшись по сторонам, он пристроил чугунок на стуле и приблизился к мужчине.

– Господин? – шепотом позвал парнишка отступника, – вы в порядке? Я принес поесть, как заказывали.

Не дождавшись ответа, мелкий воришка принялся шарить по чужим карманам.

Вопиющая наглость! Мое! Я первая была!

– Кхе-кхем! – нарочито громко прокашлялась, захлопывая дверь и задвигая засов. – Попался!

Постреленок взвился, будто ужаленный, заметался по комнате, не сразу разглядев, с кем имеет дело. Едва успела перехватить воришку у окна, а то сиганул бы со второго этажа с перепугу. Мальчишка оказался крепкий, однако вряд ли тратил свободное время на тренировки, как я. Но дырка в моем плече сводила преимущества на нет. Поэтому действовала наверняка, чтобы вырубить и скрутить наглеца. Пришлось даже завязками от штанов пожертвовать и связать наглеца, чтобы не вырвался, когда придет в себя. Заодно вернула добро, которое успело перекочевать в загребущие ручонки.

В тощем кошеле насчитала двадцать медяшек мелочи и четыре серебряных монетки. Негусто! Я оставила воришку на полу и решительно отправилась к родственничку. Грабить, так грабить до конца! Времени для тщательного осмотра предостаточно. Я точно знала, пьянчуга не очнется в ближайшие несколько часов. У Соньки, с которой сдружилась в приюте, родители спились и их лишили родительских прав. Иногда они трезвели и приходили навещать дочь, клялись, что исправятся и заживут нормальной жизнью. Но потом срывались, и все начиналось сначала.

Ворочать тяжелого мужика ребенку – то еще занятие. Умаялась, пока закончила. Зато потом с чувством выполненного долга уполовинила чугунок с вкуснейшей тушеной картошечкой с кусочками жирного мяса. Результаты обыска порадовали. За поясом отступника обнаружился мой меч, заткнутый на манер кинжала, а на груди под рубахой – и вот даже ни капельки не стыдно, что залезла туда, – я нашла плотный пакет с документами. Их изучением займусь позже, когда разберусь с воришкой. Он как раз очнулся, но виду не подавал, лежал с закрытыми глазами и пыхтел, как паровоз.

– Эй, как тебя звать? – я подошла к пацану и легонько толкнула ногой в бедро. – И не притворяйся, вижу, что очухался. Не бойся, жаловаться дядьке не буду. Ответишь на пару вопросов, и отпущу.

После этих слов мальчишка ожил, ловко извернулся и уселся на полу, разглядывая меня огромными карими глазенками. Мордаха чумазая, волосы клоками торчат, одежка драная – бесенок натуральный.

– Егоркой кличут, – шмыгнул он носом и подозрительно прищурился. – А ты из каких будешь? Откудыть взялась?

– Не твоего ума дело! – фыркнула я и приосанилась, положив руку на эфес меча, который также заткнула за пояс. Весь эффект испортили соскочившие штаны, не удержавшиеся на бедрах без завязок. В последний момент подхватила их и заправила под пояс. – Раз я тут нахожусь, значит, так надо.

– Не-а! – заулыбался пацан во весь рот, демонстрируя отсутствие переднего зуба. – Врешь! Сама, небось, промышляешь. Ножик-то этот у барина был. Приметный. Сейчас как крикну, живо народ сбежится, будет тебе на орехи!

– А ты покричи! – не повелась я на развод. – Чего сразу не кричал? Может, дядьку разбудишь, заодно и спросим у него, по праву я тут или мимо проходила. Давай! – рывкнула и притопнула ногой, отчего пацаненок отпрянул и съежился от страха.

Еще бы не испугаться, когда я заставила родовую вязь на виске проступить! Это с равной он пыжился и изображал невесть кого, а с дворянами разговор короткий. За воровство могли плетей отсыпать, а то и зашибить или покалечить.

– П-простите, не признал сразу, что ты... вы... одежда ведь ношенная, с чужого плеча, а ножик дорогой. Барин как заселился, снял две комнаты, а второго жильца нет. Ну, нам-то что, если деньги уплачены? Исчезал иногда посреди ночи, а потом возвращался весь в кровищи, воды горячей и корпий требовал, иголки для шитья. Лихой человек. А надысь хмельного перебрал, полночи буянил, хозяйку всполошил, – затараторил мальчишка, выкладывая, что знал, как на духу. – Заведение у нас приличное, не подумайте. Тетка Степановна ужо городничему челобитничать хотела, чтобы буйного барина унял, но не приказный день был. Так барин ваш хоть бы монет за беспокойство подкинул, чтобы сгладить, значит, конхликт. Но нет, и слушать ничего не захотел, ножиком вон размахивал.

– Ха, приличное! Дешевая забегаловка ваш «Пьяный карась»! – подначила я пацаненка.

– И ничего не забегаловка! «Усталый пескарь» на владимирском тракте самый известный постоялый двор, кого хошь спроси! Кажный, кто в Суздаль на янмарку едет, аккурат у нас на постой остается.

Спорить не стала, усмехнувшись, как ловко получилось выведать, где нахожусь. Выходит, в Суздаль родственничек доставил. Тут же вотчина князя Шумского недалеко. Увидит кто, узнает, мигом повяжут и деду на блюдечке поднесут. Закабалят и фамилию не спросят. Официально меня признали мертвой, а за холопку безродную кто вступится? Подальше бежать отсюда и побыстрее. Хоть в Московию, хоть в Нижегородское княжество, а то и за Урал, чтобы ни одна собака следов не нашла. Взгляд остановился на тушке отступника, что теперь лежал на спине, раскинув руки, и храпел, что боевой слон. Вот же наказание на мою голову!

– Слушай, Егорка, заработать хочешь? – я посмотрела с прищуром на пацаненка, который закивал, как болванчик. – Нужно нанять извозчика, чтобы доставил к седьмому причальному доку, и найти кого-то, кто бы помог спустить дядьку вниз.

– Серебрушку! – обозначил цену мелкий грабитель, а я вопросительно вздернула бровь и снова заставила печать рода проявиться. Опасно, конечно, часто показывать простолюдину знак погибшего рода. Вдруг запомнит и разболтает? Одна надежда, что Егорка не разобрался, что там изображено. Я и сама долго учила печати княжеских фамилий, чтобы не ошибиться при встрече. А сколько мелкопоместных дворян и прочих родов по России раскидано? Всех не упомнишь, да и не нужно на самом деле запоминать тех, кто ниже рангом. – Ну, эта... – стушевался мальчишка, – я же не себе беру. Тувру Сивому, вышибале, значит, медовухи жбан поставлю, барина чтобы вниз дотащил. А на месте ужо с возницей договоришься. И эта... – он кивнул на разбитую посуду, – ущербу возместить надо бы, так что по чесноку!

– По чесноку! – улыбнулась смешливому и слегка картавому выговору пацаненка. – Но деньги получишь, как исполнишь, что наобещал. И не вздумай врать или расстраивать меня, а не то спалю вашего «Карася» ненароком.

Подошла к Егорке и освободила от пут. Он сразу же принялся растирать запястья и деланно морщиться. А кто дергался и сам узлы затянул? Сидел бы спокойно, и никакого вреда себе же не причинил. И воровать никто не заставлял, так что сам виноват.

– Веди в ту комнату, что барин себе снял. Вещи собрать надо. Кстати, пирогов и другой снеди в дорогу соберешь?

– Эта... сделаю. А ты взаправду цельный дом спалишь? – вытаращил он любопытные глазищи, – и людёв живых не жалко?

– Хочешь проверить? Плати, и все устрою. А за «людёв» сам в ответе будешь, если мага разозлишь.

– Дык я чё? Я ж просто спросил, из интересу. Не надоть никого палить, пущай живут, – пошел мальчишка на попятную и на всякий случай бочком двинулся к выходу.

– То-то же! – погрозила ему пальцем. Пока разговаривала с Егоркой, вернула завязки от штанов на место, чтобы не случилось нового конфуза в неподходящий момент. Затем подошла к отступнику и сняла ключ, что болтался у того на шее на длинном шнурке, развернулась к мальчишке. – Пошли?

Идти оказалось недалеко, в соседний номер, что располагался через стенку. Моя комната угловая, в конце коридора, посторонние тут не шастали. Это объясняло, почему о моем появлении в «Усталом пескаре» практически никто не знал. Выходит, родственничек к докторам не обращался, сам рану зашивал и повязку накладывал. Получается, жизнь спас? Останься я в лесу, пропала бы. Либо на обед хищникам пошла, ведь те на запах крови быстро сбегаются, либо в руки княжеских дружинников угодила. Не дураки же они живого свидетеля злодеяний на волю отпускать?

Нда, комната оказалась на редкость запущенной. На полу валялись бутылки из-под вина, стол захламлен грязной посудой, которую поленились выставить за дверь, чтобы прислуга забрала. В углу свалены куски корпий в бурых пятнах засохшей крови, а в камине кто-то недавно жег вещи. По оплывшим пуговицам и металлическим вставкам узнала свою одежду.

– Не пуштал сюда барин никого, вот и беспорядок, – пояснил Егорка, сунувший нос следом.

– Вижу! – я тяжело вздохнула. – Иди уже, а то не видать тебе серебрушки. Найду кого-нибудь порасторопнее.

Пока мальчонка убежал выполнять поручение, собрала вещи. Так, ничего интересного: смена белья, мыльные принадлежности, коробок с приспособлениями для чистки механизмов и запасом смазки. Это все уместилось в дорожный саквояж, на дне которого я нашла пистоль кустарного производства и коробку патронов. Больше в комнате ничего ценного не обнаружилось, поэтому оставила ключ в двери и вернулась в свой номер.

Спать этой ночью не собиралась, так что занялась изучением бумаг, что стащила у отступника. Порадовала находка дневника. Родственничек его не сжег и никуда не выкинул. Только верхний край испачкался в крови и часть страниц слиплась. Но это мелочи, текст я быстро восстановлю и перепишу. Помимо этого, в пакете обнаружила тоненькую стопку писем, перехваченную бечевкой, записную книжку и документы. Последние изучила особенно придирчиво. Надо же узнать хотя бы имя родственничка, кто он и откуда.

Глава 3

«Игнат Александрович Забелин, – значилось в паспорте, – тридцати двух лет. Родители Дарья Дмитриевна Забелина, в девичестве Агнищева, и Александр Олегович Забелин – вычеркнут из медной книги дворянских родов». «Ага, – я припомнила, что знала об истории рода, – если не ошибаюсь, дед этого отступника, Олег Александрович, приходился родным братом моему дедушке по отцовой линии Даниилу Александровичу и служил защитником великого князя Владимирского». В семье Забелиных не любили вспоминать о старшей ветви из-за позора, который несмываемым пятном лег на репутацию рода.

Из того, что я уже знала об этом мире, Российская империя делилась на отдельные княжества, которыми управляли великие князья. Во главе стоял неогаренный император из династии Романовых, Петр Александрович. Его власть опиралась на Великокняжеский совет, куда входили сильнейшие маги

высшего сословия из золотой книги родов. Следующей ступенькой власти был Большой княжеский совет, состоящий из князей первого сословия, входящих в серебряную книгу. В Большом совете шло деление на Приказы, контролирующие различные направления государственной деятельности. Приказы подразделялись на Ведомства и так далее.

Так вот, отца Игната, Александра Олеговича, служившего в охранении великого князя Владимирского Ивана Ярославовича и его семьи, обвинили в измене и казнили еще за пару лет до рождения Нины Забелиной. Ее дед Даниил Александрович официально отрекся от предателя и убийцы, и повелел уничтожить все сведения об отступнике. Сам он ненадолго пережил племянника, слишком сильным потрясением стало предательство Александра. По его вине погиб великий князь вместе с женами и детьми. Чудом уцелела младшая супруга, носившая под сердцем последнего прямого наследника, который и родился раньше срока из-за этого трагического события. Во главе княжества Владимирского поставили малолетнего Ярослава Ивановича Бельского под регентством матери Ксении Святозаровны, в девичестве Стрешневой. Но на деле власть захватили князья Юсуповы и их союзники, среди которых князь Агния Шумский.

Стало быть, Игнат сильно рисковал, когда откликнулся на приглашение отца? Попадись он на глаза ближникам Бельских или тех же Шумских, расправились бы на месте и еще благодарность от высшего начальства получили за расправу над сыном убийцы. А может, ему и терять уже нечего? Исковерканная печать медленно убивала Игната на протяжении... э-м-м, одиннадцати лет? Это какую силу воли надо иметь, чтобы день за днем терпеть мучения, не прекращающиеся ни на секунду? Магия, которой отступник наделен по праву рождения, искала выход и сжигала его изнутри. Припомнив, во что превратилась кисть под перчаткой, я невольно поежилась. Может, поэтому он и пил, чтобы забыться и заглушить боль? А ведь сам Игнат не причастен к тому, что сделал его отец, однако наказание постигло всех ближников Александра Забелина. Удивительно, как еще весь род не вырезали. Хотя, теперь это неважно. Наверное, у деда Даниила Александровича не было иного выхода, кроме как отречься от племянника и его семьи. Ради сохранения рода он собственными руками обрек на смерть наследника, который тогда только вошел в силу.

Я уже другими глазами посмотрела на троюродного брата по отцовской линии. Каково это, в двадцать один год лишиться всего, что составляло смысл жизни? Не сомневаюсь, молодого защитника ждало блестящее будущее, и он с малых

лет готовился к тому, чтобы стать щитом рода. Но его вышвырнули на помойку, принесли в жертву ради спасения остальных, а он не сдался и выжил всем назло. Примчался сюда, стоило отцу позвать, спас меня и оставался тут, выхаживал, пока я металась в лихорадке и болталась между жизнью и смертью. С момента трагедии минуло несколько дней, если я правильно поняла рассказ Егорки, когда Игнат посреди ночи всполошил постоялый двор.

Сразу так стыдно стало за свое поведение. А ведь я даже не поблагодарила за спасение. Но он должен понять! Я только что потеряла близких и не понимала, зачем вообще выжила. И сейчас не понимаю, зачем? А зачем, например, столько лет мучился Игнат? Ответов у меня не было. Разве что, ради мести и восстановления справедливости? Я лишь недавно осознала, каково это, быть щитом рода. Для меня в тот момент собственная жизнь не имела значения. Память предков, заключенная в крови и дающая силу магии, текущей внутри, призывала любой ценой защитить главу, сберечь семью, сохранить наследие. Невозможно противиться этому зову. Он основа, из которой когда-то появился род защитников. Предать его значило отринуть силу, которую давал источник. А он выбирал самых достойных, не каждый Забелин носил звание щита. Вот почему предательство Александра стало для семьи таким ударом. Он просто не мог так поступить! Но упрямые факты доказывали обратное.

Письма просматривать не стала. Судя по изящному почерку и вензелям с двойным «Д» на конверте, они принадлежали матери Игната. Это личное, куда не стоило совать нос. Помимо паспорта в пакете лежала дорожная на имя Игната Черного – символично, если учесть, что в родовых цветах Забелиных преобладал белый, – накладные на приобретение товара и договора на доставку. На отдельном листочке имелся список покупок, где большинство позиций уже вычеркнуто. Ну вот, а то я уже поверила, что родственничек примчался в Суздаль только из-за приглашения отца.

Документы, кроме дневника, разумеется, я сложила обратно в пакет и вернула на место. Пришлось повозиться, потому что Игнат перевернулся на бок и принял позу эмбриона. Невольно отметила, каким горячим сделался братец, и что запах перегара уже выветрился, а сон стал беспокойным. В полумраке вечерних сумерек взгляд зацепился за полыхающий алый сгусток в груди мужчины. Под одеждой не заметить, а на обнаженном участке тела он сразу бросался в глаза.

Постоянно видеть магические потоки утомительно, они слепят, накладываются друг на друга, дезориентируют и искажают восприятие действительности. Я

научилась притуплять это видение и вызывать его по мере необходимости, тогда даже стены не преграда для обнаружения линий силы. Вот и сейчас я перешла на магическое зрение и ужаснулась тому, что творилось с Игнатом. Огонь давно выжег алкоголь из крови. Внутренний источник работал на износ, переполненный энергией, которую выделял, чтобы исцелить хозяина. Прежде Игнат Забелин тяготел к огню, но в организме истинного «щита рода» обязательно присутствовали и другие стихии. Собственно, фиолетовый цвет щита как раз и получался, если маг задействовал сразу несколько стихий для создания защиты. Если проще, Забелины – это маги-универсалы, сумевшие объединить и совместить несовместимое. Печать рода служила тем механизмом, что не давала силам конфликтовать и тем самым разрушать носителя. Понимание этой простой истины поразило до глубины души. Прежде я общалась только с клановцами и не подозревала, какое значение такой знак оказывал на магический потенциал и способности каждого представителя. Отец не вдавался в подробности, а мне даже в голову не приходило поинтересоваться.

Однако знать причину проблемы и решить ее – разные вещи. Я понятия не имела, каким образом наносится печать, не понимала механизма, при помощи которого дед Даниил заблокировал ее работу. Я видела, как избыток огненной энергии распирает каналы силы, и что он уже поглотил часть потоков, служивших проводниками других стихий. Как это исправить или хотя бы облегчить состояние брата, не представляла. Сама не так давно освоила управление внутренними потоками силы и научилась создавать щит. Здесь же требовалось вмешательство в организм другого человека. Одно неверное действие, и рискую попасть под выплеск сырой силы, что выжжет все живое поблизости.

Игнат уже весь покрылся испариной и горел, как горит больной человек с температурой за сорок. Лечение в данном случае бесполезно, но как бороться с жаром, матери двух детей объяснять не нужно. Подтащила поближе к кровати тазик для умывания, при помощи меча располосовала наволочку на две части. Одну смочила в воде и положила на лоб мужчине, другой обтерла лицо, шею и грудь. Не поленилась сбегать в соседний номер и поискать среди пустых бутылок, не осталось ли где пары капель хмельной жидкости. Нашла початую пыльную бутылку под кроватью, видимо, давно туда закатилась. Закисшего вина, по запаху напоминающего уксус, как раз хватило на одно растирание. Видимого облегчения это не принесло, тут бы ванна со льдом не помешала, а лучше холодильник.

Кста-ати! Я вспомнила, что в поместье использовали специальные амулеты, охлаждающие помещение. Такие устанавливали в кладовых, чтобы продукты дольше оставались свежими. Наверняка, на постоялом дворе имеется что-то подобное!

Отправилась на поиски тетки Степановны, как ее называл Егорка. Служанка, встретившаяся в коридоре, посоветовала посмотреть внизу. По вечерам в обеденном зале собиралась куча народу, поэтому Авдотья Степановна крутилась там, покрикивая на подавальщиков и обслуживая денежных клиентов. Я с опаской спустилась в наполненное дымом и пьяным угаром помещение. Закашлялась с непривычки и шарахнулась в сторону от нетрезвой парочки, направляющейся вверх.

Приличное заведение? Ага, как же!

- Эй, ты! - меня грубо толкнули, - живо принеси вина и закусок!

Зашипев от боли, ведь эта пьяная сволочь зацепила раненое плечо, я выхватила меч, в два прыжка обогнала нахала и поднялась на пару ступеней повыше. Не знаю, что на меня нашло, следовало вести себя как можно тише, но спускать подобные оскорбления простолюдину не собиралась. Накипело, наверное, да и переволновалась за Игната.

- Я требую извинений! - острие стали уперлось в щеку наглеца. - Ну? - слегка надавила, проколов кожу и выпустив капельку крови. - Или не знаешь, что полагается за оскорбление представителя высшего сословия?

Мужик в униформе городского стражника опешил от неожиданности. Кто, как не он, знал, какими последствиями чреват стычки с дворянами? По-хорошему, дядьке стоило извиниться и замять конфликт. Но все это происходило на глазах дамы, в организме бушевал хмель, судя по свежему перегару, да и на дворянку я совершенно не походила.

- Пошла прочь, малявка, пока не зашиб! - рявкнул мужик и попытался перехватить оружие.

Я вывернулась, чиркнула лезвием по лицу и оставила глубокую царапину. Будь это бой на мечах, стражник не продержался бы и минуты. Но мы находились в

таверне, на узкой лестнице, и о честном поединке здесь речи не шло. Стражник нагнал на втором этаже, схватил за шкирку и с размаху впечатал в стену. В глазах потемнело от смеси ярости и боли. Во рту появился противный металлический привкус. В голове не укладывалось, что взрослый мужчина, обязанный защищать невинных, запросто напал на ребенка. Пусть он не опознал во мне благородную, но это не значило, что с детьми простолюдинов допустимо такое обращение! Что же это за мир такой, где целые семьи вырезаются по чьей-то злой прихоти, а власть имущие творят полное беззаконие?

В руке я крепко сжимала меч, снова потерять который не имела права, а в груди разгорался праведный гнев на разожравшуюся тварь, что приближалась с садистской улыбкой на губах. Вступить за меня некому, никто из гуляющих внизу посетителей не озаботился судьбой незнакомой девчонки. Хотя многие видели, что произошло, но предпочли не замечать чужие проблемы. Только дамочка стояла чуть поодаль и ожидала зрелища, когда ее дружок прочит неучтивую нахапку.

– Попалась? – глумливо усмехнулся стражник, нависнув громадной тушей. – Что ты там требовала? Уважения? И к кому, к какой-то оборванке, где-то укравшей чужое оружие? Сейчас я тебе научу, как надо ув...

Стражник захрипел, вытаращил водянистые зенки и рухнул на колени, придавив меня к стене. Он силился что-то сказать и не мог, потому что говорить со вспоротой глоткой проблематично. Но я целилась в сердце, чтобы уж наверняка. Пальцы до сих пор сжимали рукоять, торчавшую из широкой груди. Силенок, чтобы оттолкнуть тело или выдернуть оружие, не хватало. Мне помогли это сделать и отпихнули мертвую тушу. Только тогда я увидела бледного как полотно Игната. Он стоял, привалившись спиной к стене, и шумно дышал. В руках отступник держал здоровущий черный меч с зазубринами у основания. Где он его только прятал? Чуть поодаль валялся труп дамочки с застывшим на лице выражением крайнего изумления. Вряд ли она ожидала, что возмездие настигнет так скоро.

Я поднялась, растерянно переводя взгляд со стражника, что затих на полу, на дамочку и обратно. Только что эти люди мнили себя на вершине могущества, и вот уже лежат мертвые, а на моих руках кровь одного из них.

– Надо уходить! – отступник с трудом отлип от стены и подошел к трупу.

Срезал с пояса кошель, взял ключ, который болтался на запястье стражника, и открыл дверь номера, что парочка сняла для развлечений. После подхватил тело за ногу и втащил, аналогично поступил и с дамочкой, затем разбил фонари, освещающие эту часть коридора. В комнате тела подверглись тщательному досмотру, а ценности перекочевали в карманы родственника.

Я находилась в шоке от происходящего. На автомате сполоснула руки в тазике для умываний, что заблаговременно принесли слуги для платежеспособного клиента, почистила меч и насухо вытерла лезвие об чистые простыни разобранной кровати. После замыла пятна, что попали на одежду и слишком бросались в глаза.

– Зачем тебя понесло в зал, где маленьким девочкам появляться противопоказано? – поинтересовался Игнат, который закончил обыск, тоже сполоснул руки и присел на кровать передохнуть. – Этого добивалась? – кивнул он на трупы. – Мир без них только чище станет. Один брал взятки и насильничал, вторая содержала подпольный бордель, но ты ведь этого не знала? Думай, прежде чем что-то делать!

– Ты весь горел, я... – запнулась, подбирая слова.

Взгляд то и дело возвращался к распластанным полуголым телам на полу. Я понимала, что не испытываю ни малейшего сожаления по поводу безвременной кончины этих двоих, но в то же время ужасал факт, что убила человека. Наверное, решающий удар нанес Игнат, но я ведь тоже принимала участие. И спровоцировала стражника тоже я. Ну что мне стоило смолчать? Так гадко я себя еще не чувствовала, хотя смертей за последнее время видела достаточно.

– Я хотела раздобыть амулет, что используют для охлаждения кладовых. Служанка сказала, хозяйка внизу, вот и отправилась на поиски, – пролепетала в оправдание, но прозвучало это так жалко и нелепо, что отступник скривился.

– Глупо! – фыркнул он. – Такие амулеты стоят денег, а еще нужен маг, который их зарядит. Здесь не то место, чтобы хозяйева шли на такие траты. Тем более, когда для хранения продуктов сгодится обычный погреб. И... спасибо. Не знаю, что ты сделала, но стало легче.

– Я ничего такого не сделала, – удивилась, с радостью меняя тему разговора. – Это тебе спасибо, что вытащил тогда. И что спрятал от дружинников князя, и выхаживал. Как ты меня нашел? Ну, там, в лесу... – к сожалению, до сих пор не знала, куда меня выкинул источник.

Отступник изумленно вскинул брови и горько усмехнулся.

– Так понимаю, дядя ничего не рассказал, раз ты даже не поняла, где оказалась? – он обхватил голову руками, поник. – Значит, ни единого шанса.

– О чем ты? Не понимаю! – не понравился мне пессимистичный настрой Игната, ох как не понравился.

И еще вдруг накрыло понимание, в Суздаль он приехал не за тем, чтобы провести ритуал инициации для Данияра. Как бы он сумел обуздать стихию, если сам не в состоянии с ней справиться? Только не с той печатью, что медленно его убивала! Я подошла к мужчине, запрыгнула на высокую кровать и устроилась рядышком.

– Не знаю, что пообещал отец, – задумчиво уставилась на носки сапог, что не доставали до пола, – но клянусь, сделаю все возможное, чтобы выполнить обещание. Кто-то сильно постарался, чтобы стереть род Забелиных с лица земли, но ничего еще не закончилось, пока мы живы.

– Не для меня, – хмыкнул Игнат с фатальной обреченностью в голосе. – А ты еще можешь спастись, если уедешь как можно дальше. Уходим, не стоит здесь задерживаться.

Отступник поднялся, слитным движением убрал меч в ножны, болтающиеся на поясе, и направился к выходу. Я молча спустилась с кровати и потопала следом. А что еще оставалось? Настроение упало ниже некуда. Я недавно потеряла родителей и тех людей, что входили в род или преданно служили на протяжении многих поколений. Только-только обрела брата, которым при других обстоятельствах гордилась бы и стремилась быть на него похожей. Он и сейчас вызывал уважение стойкостью духа и невероятной силой воли. Однако повторить судьбу изгоя я не готова. Трусливо сбежать, поджав хвост, когда враги празднуют победу? Когда у них младший брат, который никогда не узнает, какая судьба постигла его семью? И который усилит род убийц,

преданно защищая их интересы?

Пальцы сжались в кулаки. Я не сделала ничего плохого ни в этой, ни в прошлой жизни, чтобы со мной так обошлись! Где же справедливость? На мгновение замешкалась у тел врагов, и по губам расползлась горькая усмешка. Если справедливость заключается в том, чтобы вершить ее собственными руками, так тому и быть!

Глава 4

Вещи моими стараниями уже были собраны. Правда, я прошлапила тайник, где хранилось оружие и деньги. Если бы Игнат не пришел в себя, а я увезла его на тот причал, пришлось бы возвращаться. Или он не рассчитывал, что выкарабкается на этот раз? Я видела, как брат страдал и как магия закипала в крови, но и подумать не могла, что в любой момент он может погибнуть. Не верю, чтобы прежде никто не додумался «охладить» мага огня. Так, почему он заранее не озаботился этим вопросом?

На побитую посуду и сломанный стол в номере Игнат никак не отреагировал. Подхватил чугунок с остывшей картошкой, плюхнулся на кровать и с жадностью набросился на еду. Как раз этот момент выбрал Егорка, чтобы притащить корзинку со снедью и сообщить, что договорился с Тувром.

– Видишь ли, тут такое дело, – мальчишку я встретила на пороге, не пустила внутрь, – помощь носильщика больше не требуется. И с извозчиком барин сам договорится. Сколько с меня за ущерб и... – заглянула в плетеный короб, – вчерашние пирожки?

– Ну, как же? – пацаненок хлюпнул носом, – договорился уже! Тувру плевать. Сдерет плату, раз подвязался помочь, и шкуру спустит за обман. Я работать не смогу, а тетка Степановна от харчей откажет. С голоду помру.

В этот момент в коридоре раздался пронзительный женский визг. Похоже, обнаружили тела стражника с дамочкой. Ойкнуть не успела, как за спиной вырос Игнат, втащил меня в комнату вместе со служкой и захлопнул дверь.

– Не серчайте, барин! – Егорка съежился, заскулил, закрывая голову руками, – только не калечьте, Христом богом прошу!

– Успокоился! – прикрикнул брат. – Никто тебя бить не собирается. Кто такой Тувр, и о чем вы договорились?

– Ну, дык, эта... – жадно сглотнув, мальчишка затараторил, – с этой вот сговорились, – ткнул он в меня пальцем, – что Тувр, значит, споможет вас вниз спустить и на извозчика посадить. Серебрушку обещала, если все устрою. А теперь в отказ идет, гангрена белобрылая! Сказалась дворянкой, печать показывала, а на деле – беднота босоногая! Ножик ваш еще слямзила. Если в самом деле блаародная, чего ж стражник не признал?

– Что? – задохнулась я от возмущения. – Ты кого гангреной обозвал?

– Цыц! Оба! – пресек разгорающийся конфликт Игнат. – Молчать! – это дополнительно мне, потому что не я собиралась терпеть оскорбления. Зла не хватало, чтобы высказать, что думаю. Да и не собиралась выяснять отношения при посторонних, но на меня никто не обращал внимания. Отступник уже отдавал приказы пацаненку. – Мухой ищешь Тувра и отправляешь сюда. Затем ловишь извозчика, и чтобы через пять минут ждал у черного входа. Получишь две серебрушки, если быстро обернешься.

– Так я побежал? – Егорка приосанился, бросая взгляды победителя. – Сделаю в лучшем виде.

– Беги, – отпустил Игнат, – и постарайся, чтобы тебя никто не видел. Ох, главное забыл, – лапища легла на плечо служки, отчего у бедолаги подогнулись коленки. – Как только Тувр спустится во двор, выведешь ее незаметно из дома.

– Да сдалась вам эта гангрена, барин! – скривился осмелевший Егорка. – Возьмите меня к себе! Я все-все умею и ем чуть-чуть, и места много не занимаю. Не пожалееете!

– Ах, ты, поганец мелкий! Я ж тебя покалечу! – едва не накинулась на гаденыша с кулаками, так возмутила его вопиющая наглость.

А этот нахаленок еще язык показал и рожицу скорчил.

– Ты слова-то выбирай, холоп! – давясь от смеха, осадил мальчишку Игнат. – Эта гангрена мне родственницей приходится.

– Сочувствую, барин, – на полном серьезе произнес охламон, за что схлопотал затрещину.

– Поговори еще! Бегом исполнять, что велено! И не болтай никому, что тут видел.

Заверив, что «ни в жисть» не проболтается, Егорка убежал, а я, скрестив руки на груди, ждала от родственничка объяснений. Но тот даже бровью не повел, прихватил с собой меч, расправил на кровати смятое одеяло и завернулся в него с головой. Почти сразу дверь прогнулась внутрь от удара и распахнулась. Засов вырвало с мясом, а в номер ввалился здоровенный детина. Кулаки с мою голову, плечи широченные и рост такой, что до потолка достает. Он будто уже знал, что делать, подошел к кровати, где лежал Игнат, подхватил его и играючи закинул на плечо.

«Караул, грабят!» – хотелось крикнуть вслед. Этот Тувр меня даже не заметил. И, вообще... все настолько быстро произошло, что я только глазами хлопала и удивлялась.

– Эй, чего застыла? – через минуту вернулся Егорка. Кажется, мелькала в дверях вихрастая макушка, когда Тувр выносил Игната. – Кончай ворон ловить.

Спохватившись, я цапнула саквояж с вещами и вопросительно посмотрела на пацаненка. Тот пожал плечами и осторожно выглянул в коридор. Выждав, пока там не будет посторонних, поманил за собой пальцем. Ну, я и пошла, а куда деваться? Спустились мы по узкой лесенке для слуг, прошмыгнули через кухню, где вовсю кипела работа, и выскочили во двор. Темно. Я застыла, дожидаясь, пока глаза привыкнут, но меня схватили за рукав и поволокли за собой. Едва не пропахала носом землю, когда споткнулась и налетела на Егорку.

– Смотри, куда прешь, бестолочь! – огрызнулся он, потирая ушибленный бок.

– Так темно же!

– И что?

– То! Долго еще? – ох и бесил этот чертенок.

Одно радовало, больше его не увижу. И этот постоянный двор за километр обходить буду! В глухом проулке, куда выходил черный ход, дожидалась пролетка с поднятым верхом. Сразу не разглядеть, на месте Игнат или нет. Глаза уже привыкли к темноте, очертания предметов немного различались, но недостаточно, чтобы распознать опасность. Я невольно замедлила шаг, с подозрением оглядываясь. Саквояж переключал в левую руку, правая легла на рукоять меча.

– Что так долго? – пробухтел знакомый голос из темноты экипажа. Тут же ко мне метнулась тень, вздернула в воздух и затянула внутрь, устроив рядом с собой. – Трогай! – приказал братец извозчику, и тот сорвался с места.

Меня крепко приложило об жесткую спинку. Я только скривилась. За день столько раз задевала рану, что та давно должна была вскрыться и закровить. Но я проверяла, на ощупь тряпки оставались сухими, да и болело меньше. Будто бы не пара-тройка дней прошла, а целый месяц, и порез успел зарости.

Пролетка еще не успела свернуть на главную улицу, как в глубине постоянного двора прогремел взрыв. Тряхануло так, что клацнули зубы, а лошади сорвались с места и понеслись, будто сумасшедшие. К счастью, возница попался опытный, быстро усмирил лошадок и выровнял ход. Я же вцепилась в Игната, опасаясь, что вылечу на крутом повороте.

– Что там случилось? – робко поинтересовалась у брата.

– А это последствия неразумных действий, – равнодушно ответил Игнат. – Сиди теперь и думай, сколько невинных людей погибло из-за твоей якобы оскорбленной чести.

– Но я не хотела ничего такого, – к горлу подступил комок и затопило чувство вины.

Гибель не самых лучших представителей общества хоть как-то мирила с пугающей действительностью, но тот взрыв мог покалечить или унести десятки жизней. Тот же Егорка, к примеру, чем виноват? Я всхлипнула, размазывая по лицу слезы раскаяния.

– Вот только сырость здесь разводить не нужно, – строго предупредил Игнат. – Возможно, я немного преувеличил. На самом деле, пожар должен был лишь уничтожить тела, ну и наши номера прихватить заодно. Других постояльцев на втором этаже не было, я проверил, а те люди, что сидели внизу, наверняка успели выбраться. Но ты должна четко усвоить: нет больше Нины Забелиной, дворянки из медной книги родов. Есть просто девочка Нина, сирота без роду и племени.

Я кивнула, упрямо закусив губу. Урок, который я получила, говорил лишь о том, что следует быть осторожнее и думать о последствиях. Но забыть, кто я такая, не заставит никто и никогда!

– Где мы? – я огляделась, удивляясь фонарям на улице. Довольно широкой, чтобы разъехались пять таких экипажей, с мощеной мостовой и роскошными домами по обеим сторонам. – Что забыли в Белом городе?

Здесь располагалась резиденция князя Шумского, селились дворяне, купцы первой категории и зажиточные горожане. Собственно, в каждом городе высшее сословие строило дома в самой защищенной части и старалось окружить себя комфортом. Это своеобразный показатель статуса и достатка семьи.

Между прочим, где-то здесь затерялся особняк Забелиных, куда родичи перебирались из поместья на зиму или же останавливались на время городских праздников или званых балов. Последние годы он пустовал, потому что из имения в Каменной пади мы никуда не выезжали. Здесь наше семейство не жаловали, и теперь понимаю, почему. Однако род не бедствовал. Белый камень для постройки домов и мощения улиц добывался в карьере, который принадлежал семье. Также у нас имелись искусные мастера резьбы по камню и собственный причал с торгом на реке Каменке, по ней сплавлялись купцы из соседних княжеств.

– До рассвета куча времени, хочу показать кое-что, – уклончиво ответил Игнат.

Впрочем, я уже догадывалась, куда мы держали путь. К роскошным хоромам князя Шумского, убийцы, который хладнокровно расправился с нашей семьей. На какой-то миг я даже поверила, что Игнат нашел способ, как спасти Данияра. Но пролетка остановилась поодаль от резных ворот, возле них несли почетный караул дружинники князя. Добротная броня, новенькие мушкеты, униформа с иголки и сверкающие в темноте магические амулеты защиты. Из-за высоких стен доносилась музыка, гомон людских голосов, смех, веселье. Его светлость устроил праздник по случаю первой инициации наследника Данияра Владимировича Шумского.

Я тоже сперва подумала, что Игнат ошибся, назвав брата другим отчеством. Однако по его просьбе извозчик подошел к служивым и спросил, по какому случаю торжество. Те и рады похвастать, что у Шумских, наконец-то появился сильный маг. Первенец Владимира Агнияровича, младшего среди детей старого князя, который унаследовал силу рода. Теперь никто не скажет, что Шумские вырождаются, раз уж детей Агнияра Святозаровича природа обделила дарами.

– Как же так? – полными слез глазами я посмотрела на брата, – он ведь Забелин! Это что же, Данияр вырастет и даже знать не будет, кто его родители и что с ними случилось? А как же настоящий сын Владимира Шумского?

– Не уверен, что такой вообще рождался. Последние годы младший Шумский провел вдали от семьи. Ни о женитьбе, ни о рождении сына никто не знал до недавнего времени. Но ты теперь понимаешь, что добратся до Данияра невозможно? Детей и внуков у князя Шумского полно, а вот одаренный наследник один. Охранять его будут похлеще императорской сокровищницы. Ни ты, ни я, ни сам император не приблизится к нему, чтобы об этом тут же не доложили старому пауку. У мальчишки будет все самое изысканное и дорогое, чего он только пожелает. Обучать его будут на совесть, развивать дар, тренировать и следить, чтобы крепко усвоил знания, положенные будущему главе рода.

– Зачем ты мне все это говоришь? – сердце болезненно сжалось от безысходности.

– Чтобы ты не наделала глупостей и не бросилась вызволять брата, – спокойно ответил Игнат, игнорируя ручьи слез, вновь бегущие по моим щекам, и зарождающуюся истерику. – Что, уже планировала, как сбежишь от неудобного родственника и героически спасешь Данияра из лап кровожадного убийцы?

Думал, как очнешься, так сразу и кинешься в омут мести. Но ты осталась и проявила зачатки благоразумия. Поэтому и привез тебя сюда, чтобы развеять последние сомнения. Как по-твоему поступят дружинники, когда какая-то оборванка потребует пропустить ее в дом, утверждая, что она родная сестра Данияра Шумского? В лучшем случае, прогонят. В худшем они только и ждут, когда сама попадешь к ним в руки. Ну а дальше Нина Забелина просто исчезнет.

- Я бы не... - я разревелась, потому что Игнат во всем был прав.

Такие мысли частенько приходили в голову, но я отгоняла их подальше. Рассчитывала затаиться и выждать время, а потом объявить во всеуслышание, что жива. Рассказать, кто виноват в гибели нашей семьи.

Пока я хлюпала носом и успокаивалась, пролетка устремилась к южным окраинам Суздаля. Мы миновали мост через Каменку и повернули к устью реки Мжары, когда открылся величественный вид на золотые купола и белокаменные стены монастыря на холме. Христианство успело укорениться в этом мире до того, как в него пришла магия и наступили смутные времена. Прежде я не интересовалась религией, да и объяснить было некому, так что подробности, как и что там развивалось, и на каком моменте пошло по другому пути, мне неизвестны. Здесь храмы так же влияли на жизнь обывателей. Как и в моем мире, люди приходили в монастыри за помощью, читали молитвы, верили в бога. За одним исключением, здесь бог олицетворялся как носитель чистой магии света. А еще он наделял верных последователей редким даром и те несли этот свет людям. Само понятие священник означало носитель света, светоч. В противовес светочам существовали темные силы. У нас бы их приверженцев заклеями дьяволопоклонниками, а тут называли темниками, принявшими в себя тьму.

Как бы там ни было, светочи приносили реальную пользу. В храмах они совершали обряды крещения, венчаний или похорон, а также присматривали за погостами, оберегая покой усопших. Особенно это касалось одаренных, в телах которых даже после смерти иной раз проявлялась сила. Ведь кто такие маги? Если обобщить, это люди, способные личной волей, мыслью влиять на окружающий мир. Бывает, одаренного давно уже нет в живых, а магия, воплощенная в амулете или охранным заклинании, работает долгие годы. А если такого человека убить, и он успеет направить посмертную энергию на месть обидчику? Неизвестно, во что это выльется. В проклятие, которое с легкостью развеет светоч? Или же переродится мстительным духом, а то и кровожадным

упырем?

В Каменной пади, родовом имении Забелиных, для покинувших этот мир предков пару веков назад построили усыпальницу. Вот только само имение сгорело и не осталось в живых никого, кто бы проводил родичей в последний путь. Поэтому я не удивилась, что погибших похоронили на территории монастыря светочей. Князь Шумский и тут подсуетился, чтобы не настигло наказание за истребление рода. Я, наверное, никогда не смирюсь с этой потерей, ведь даже попрощаться толком не успела. Не сказала, как сильно их всех люблю.

Я смотрела на унылые надгробные плиты с выбитыми именами и датами и ощущала невыносимую пустоту внутри. Собственная могила не вызывала эмоций. Наоборот, только она и была тут к месту, в отличие от остальных. Разве что взгляд корбила роковая дата, когда не стало целого рода. Настоящая хозяйка моего тела исчезла три года назад. Надеюсь, Нина не затерялась в неизвестности и обрела душевный покой.

Игнат не зря привез меня сюда. Серый камень с именем и неумолимыми цифрами стал жирной точкой в короткой и счастливой жизни Нины Константиновны Забелиной. Нет больше той наивной девочки, что верила в идеалы и стремилась сделать этот мир лучше. А кто придет ей на смену, об этом только боги знают, если они существуют на самом деле.

Я захватила по пригоршне земли с могилы отца и матери, ссыпала ее в платок и сунула за пазуху. Молча развернулась и направилась вдоль рядов похожих друг на друга могил к выходу.

На территорию монастыря мы проникли беспрепятственно, бесшумно миновали широкий двор и сразу свернули к погосту, обнесенному деревянной оградой. Однако на обратном пути нас поджидал служитель в длиннополой рясе. Я невольно замедлила шаг, не зная, чего от него ожидать, и спряталась за спину Игната. Но брат не выказал удивления или страха, почтительно поклонился и замер со склоненной головой. Светоч долго смотрел на него, изредка кивая чему-то, понятному ему одному, а потом одарил благословением, вычерчивая прямо в воздухе крестообразный символ и наполняя его светом.

Я на миг зажмурилась, ослепленная сиянием необычной магии, но тут же распахнула глаза, чтобы рассмотреть, как она будет воздействовать на

человека.

Это было необыкновенно красиво и завораживающе. Магия светоча теплой волной окатила Игната, проникая ему под кожу и успокаивая закипающую кровь. Наполнила клеточки тела чистым светом, от которого они будто бы родились заново. На этом фоне отчетливо стали заметны необратимые изменения в структуре магических каналов. Даже если убрать печать, прежние способности уже не вернутся в полном объеме. Игнат останется магом, но управлять сможет лишь стихией огня.

– Ты уже нашел, что искал, – негромкие слова светоча, нарушившие тишину, прозвучали как ответ на невысказанный вопрос.

Во всяком случае, не слышала, чтобы Игнат его задавал. Но сам он вдруг припал на колени, в порыве благодарности целуя руку служителя. После чего поднялся и уверенной походкой отправился прочь.

Мы с незнакомцем остались одни. В голову невольно закрались подозрения, что этот человек каким-то образом читал мысли. Учитывая, что я не та, за кого себя выдаю, возникали некоторые опасения. Например, что меня разоблачат, или же посчитают злым демоном, захватившим чужое тело. Да мало ли! Как бы там ни было, моей вины в переселении душ нет никакой. Я просто хотела спасти свою семью и, если бы все повторилось, сделала бы это снова.

– Вот поэтому ты и получила второй шанс, Инга, – светоч подошел ближе и положил руку на лоб.

Меня окутало невероятным теплом и ощущением счастья, покоя. Как живые, перед глазами возникли образы родных из прошлой жизни. Любимого мужа Коленьки, серьезной не по годам дочки Иришки, повзрослевшего Олежека. Они сидели за столом и разговаривали. О чем именно, я не слышала, но по лицам видела, вопрос решался серьезный. Первым определился младший, до боли родным жестом взъерошив макушку и радостно просияв. Ира сомневалась, что-то выспрашивала у отца, а тот терпеливо ей отвечал. Наконец, она неуверенно кивнула, бросив грустный взгляд на нашу семейную фотографию, что стояла на столе. Коля приподнялся, кого-то позвал, и буквально через мгновение в комнату вошла смущенная донельзя Сонька, моя лучшая подруга. Он объявил ей об общем решении, а она просияла от счастья и кинулась обнимать моих

пострелят. А там уже и Коля присоединился, целуя Софию в губы и крепко прижимая к себе детишек.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Я взмахнула рукой в надежде остановить мгновение, но схватила лишь пустоту. Из глаз ручьями лились слезы счастья, а на губах блуждала печальная улыбка. Лучшей мамы, чем Сонька, для моих не найти, да и с Колей они прежде неплохо ладили. Пусть я не могу быть с ними рядом, но на душе потеплело от понимания, что у них все будет хорошо.

– Спасибо! – схватила свечечку за ладонь и прижала к лицу. – Вы даже представить себе не можете, что для меня сделали! Я никогда этого не забуду!

– Твоя жертва не была напрасной, – свечечка провел пальцами по моим щекам, высушивая слезы. – Проживи новую жизнь так, чтобы их жертва, – он задумчиво посмотрел на погост, – тоже обрела смысл.

Я обернулась, выискивая взглядом ряд могил Забелиных, но среди одинаковых плит они неизбежно затерялись. Когда же захотела задать еще один вопрос и повернулась к свечечке, тот уже исчез. Ничего не оставалось, как вернуться к пролетке, где меня ждался Игнат.

Возница сорвался с места, вновь подхлестывая лошадок и заставляя их мчаться во весь опор. Мы с Игнатом не разговаривали, думая каждый о своем, а я в подробностях вспоминала ту ночь, когда отвела беду от самых дорогих мне людей.

Глава 5

В ту ночь я проснулась, когда пожар уже вовсю бушевал на кухне и перекинулся в прихожую. Мужа рядом не было, он сегодня работал в ночную смену, но в доме находилось достаточно живых, чтобы морозный холод пробрал до костей, несмотря на жар от занявшихся ставен. Удивительно, каким простым становится выбор, когда, казалось бы, выбора и нет. Ты без сомнений кидаешься к тому, кто дороже всех.

Выскочив в узкий коридор, я задрала подол ночной рубашки и закрыла им лицо. Детская находилась рядом, и я без раздумий бросилась туда. Наверное, я что-то кричала, пытаюсь предупредить об опасности. Не знаю, услышал ли кто-нибудь, просто на это надеялась. Схватила сонного Олежека в охапку, растолкала Иришку и волоком потащила ее к выходу.

– Прыгаем! – сиганула через тлеющие половики и рамку полыхающих занавесок, увлекая за собой дочь.

Меня опалило жаром. Я почувствовала, как оплывают ресницы и обгорают волоски на открытых участках кожи, но это мелочи по сравнению с нагрянувшей бедой. В прихожей я сдернула с вешалки зимние куртки, закутала ребятню в одежду и выбросила их на улицу. Вслед полетели теплые шапки, шарфы, которые смела с полки, обувь. Было очень страшно, причем за тех, кто так и не откликнулся на зов. Мои ребяташки уже были квелыми, виной тому едкий дым, расползающийся по потолку.

Накануне засиделись за столом, пригубили спиртного, поэтому добудиться теперь родственников целая проблема. Замерев посреди коридора, я боролась с желанием спасти близких и пониманием того, что уже не выберусь из ревущей стены пламени, отделяющей первый этаж от второго. Но там, в гостевых спальнях, не подозревала о нависшей опасности беременная подруга, а еще родители мужа и его брат с женой. Они все – моя семья, и не мне решать, кому жить, а кому уснуть и не проснуться. Притоптала искры на тлеющем половичке, затем обернулась им на манер щита и прыгнула сквозь жуткую стену пламени.

Казалось, легкие выжгло огнем. Я упала на колени и закашлялась, глаза заслезились от едкого дыма, проникающего в уши, нос, рот. Из-за жаркого марева ничего не было видно. Я бросилась в спальню Соньки, которую любила как родную сестру. По пути нарочно барабанила по закрытым дверям в надежде, что кто-то проснется. Комнату уже заволкло дымом. Огонь с первого этажа быстро распространился по всему дому через технические пустоты внутри стен. Я схватила попавшийся под руку стул и с силой запульнула его в окно. Вместе со звоном битого стекла в помещение ворвался морозный воздух. Он сбил слабое пламя с окон и выдул скопившийся дым.

Подруга пришла в ужас, когда я приказала ей прыгать со второго этажа. Спросенок Сонька плохо соображала, но стоило напомнить, что под угрозой жизнь малыша, как она мигом собралась. Под окном как раз располагался

kozyрек, а сбоку скопилась приличная гора снега, так что подруга ничем не рисковала. Похватав первые попавшие под руку вещи, она спешно оделась и выбралась наружу. Я же бросилась к остальным, перед этим обернувшись в простыни, на которые вылила воду из-под цветов. Даниил с женой услышали шум, оделись и жались к распахнутому окну. Им не повезло в том плане, что окна выходили на палисадник, и они рисковали упасть на заостренные колья забора или штыри, вкопанные для поддержки цветов. Зимой острые клинья в снегу выглядели угрожающе, и я понимала, почему Штормины замешкались и не желали рисковать.

- Идите к Софье, там можно безопасно спуститься! - крикнула им.

Но Лиза категорически отказывалась прыгать через огненную преграду. Какое-то время ушло, чтобы убедить ее, что гораздо опаснее оставаться на месте. Благо Миша нормально соображал и молча перекинул жену через пламя.

- Кто еще остался? - спросил он, прижимая к себе супругу.

- Родители, - я беспомощно оглянулась на бушующую стихию, поглотившую лестницу и отрезавшую путь на первый этаж. Прогоревшие ступени с грохотом обрушились, подтверждая худшие опасения.

- Лиза, иди! - Миша попытался спровадить супругу через единственный безопасный путь, но та клещом вцепилась в мужа и завывала раненой белугой.

- Идите оба! Позаботьтесь об Иришке и Олежке, скажите Коле, что люблю его! - я подтолкнула Михаила к комнате сестры.

- Ты что задумала? - Миша вцепился в мою руку. - У них нет шансов. Сама погибнешь и их не спасешь!

- Я должна попытаться!

- Сдурела? Уже крыша занялась, скоро все обрушится.

Я видела, что Михаил был готов идти со мной, не взирая на опасность. Но Лиза будто предчувствовала беду и цеплялась за мужа с дикой силой. Я бы тоже

цеплялась за своего Колю, переложив ответственность за жизни родителей на него. Но в этот момент не могла соображать нормально. Я знала, случись что со мной, муж достойно воспитает наших детей. Но если развернусь и сбегу сейчас, до самой смерти между нами будет стоять немой вопрос, почему не спасла его родителей. Коля родился поздним ребенком. Анна Михайловна и Роберт Васильевич в нем души не чаяли. Для него они были центром жизни, и меня приняли как родную. Для сироты это многое значит, а потому я недолго раздумывала. Вдохнула поглубже, задержала дыхание и сиганула сквозь пелену огня. Что случилось дальше, я уже и не вспомню. Кажется, попала в огненный ад. Куда бы ни кинулась, отовсюду встречали языки пламени. Я сбивала его одеялом, попавшими под руку вещами, задыхалась, кашляла, но упорно пробиралась вперед. Кажется, добралась до окна и выбила стекла. Остальное происходило как в бреду, было очень жарко и больно. Каждая клетка пропиталась огнем. Горелыми шрамами в памяти запечатлелись родные лица, а следом пришла всепоглощающая боль.

Все-таки, мне не удалось выбраться из огненной ловушки, с тоскливой жалостью признала я неумолимый факт. Какая-то часть меня глупо надеялась на призрачный шанс, что я выбралась, но, к примеру, сильно пострадала и находилась в коме. А вся эта история с переселением душ и возрождением в детском теле – игра воображения. Однажды я проснусь, и жизнь вернется в прежнее русло. Может, поэтому никак не могла отпустить близких и горевала по ним каждый день? Теперь же я увидела кусочек другой реальности, в которой моя семья научилась жить без меня. Не думала, что обрадуюсь тому, как подруга сошлась с моим мужем. Она бы никогда себе такого не позволила, будь я жива. Это табу, которое ни одна из нас не нарушила на протяжении долгой двадцатипятилетней дружбы. Из нас двоих Сонька всегда больше нравилась парням, задорная, смешливая, душа компании. А вот в личной жизни ей не везло, так и не встретила того самого, единственного. Последний ухажер сбежал, когда узнал о ее беременности. Помню, как она плакала тогда, расстраивалась, что ребенок вырастет без отца. О том, чтобы избавиться от плода, даже речи не шло. Тогда и поклялись друг другу, если вдруг что-то случится с одной из нас, вторая позаботится о детях. Мы с Колей собирались стать ребенку Соньки крестными родителями и заверили, что будем поддерживать, не оставим одну. А теперь судьба сложилась так, что на долю подруги выпало стать моим ребятишкам мамой.

– Что такого сказал светоч, что ты уже час молчишь, всхлипываешь и глупо улыбаешься? – отвлек Игнат от грустных воспоминаний.

– А тебе? – я посмотрела на мужчину с вызовом, – зачем вернулся на самом деле?

– Действительно хочешь знать? – он вопросительно изогнул бровь. Я кивнула, всем своим видом дав понять, что готова выслушать брата. – Хорошо, – Игнат поморщился, будто не желал ворошить прошлое, вздохнул. – Тебе известно, за что казнили отца, а меня вычеркнули из рода?

– Да... – я чуть подалась вперед и коснулась руки мужчины, – но я не верю, что кто-то из Забелиных мог так поступить. Это противно природе нашего дара.

– И никто из родичей не поверил, но наша уверенность – ничто против неумолимых фактов. Отца казнили, мать сгорела от горя за неделю, ну а меня принесли в жертву, чтобы спасти хотя бы младшую ветвь.

– Теперь ее тоже нет, – я поникла. – Выходит, все было напрасно?

– Ну, мы-то с тобой пока живы! – Игнат легонько толкнул меня кулаком в плечо, здоровое, к слову. – Константин связался со мной, чтобы узнать подробности одиннадцатилетней давности. Думаю, предчувствовал опасность. Официально вернуть меня в род он не имел права, зато мог подарить нормальную жизнь. Ты не задавалась вопросом, почему древний род, зародившийся еще в Смутные времена, записан всего лишь в медную книгу? Он по праву может и должен находиться в золотой.

– Нет, – я мотнула головой, – даже не задумывалась. А почему так?

– Потому что иначе мы не смогли бы служить тем, кто ниже по рангу. Наших предков такое положение вещей устраивало, а после стало поздно что-либо менять. Но я не об этом. За верную службу и спасение жизни князя часто одаривали защитников золотом, землями, магическими артефактами. Сокровища постепенно накапливались, со временем только увеличиваясь в цене. Род у нас немногочисленный из-за специфики деятельности. Когда ты становишься тенью другого человека, на собственную семью не остается времени. Поздние браки, одна, максимум две жены, один-два ребенка, которого воспитывают в традициях рода. Естественная селекция, когда потомки вбирают от родителей лучшее, ведь в выборе партнера мы не руководствуемся выгодой. Только по любви и обоюдному согласию, пусть даже избранник не благородных кровей. Так вот, богатство многим застит глаза. Нашлись глупцы, позарившиеся на чужое добро.

Лет триста назад род Забелиных чуть было не угас, когда новгородский князь под маской разбойника разорил наше имение. Выжил только глава и то, потому что отсутствовал в тот момент и прибыл слишком поздно, чтобы спасти своих. Люди погибли, а до золота враги так и не добрались. Но кому нужны богатства, когда потеряно главное достояние рода? Закарий перенес сокровищницу в потайную комнату, скрытую в глубинах Каменной пади, где велась выработка белого камня. Тоннели, ведущие к ней, обвалил, старые карты и чертежи шахт уничтожил. Единственный путь туда открыт лишь для наследников с особенным свойством дара.

- Каким же? - у меня мурашки побежали по коже от поразившей догадки.

- Некоторые из нас наделяются редким умением открывать тайные тропы и перемещаться на большие расстояния. Это умение передается через поколение старшему из детей, так как считается, первенец наследует силу рода. Например, им владел наш прадед Александр Закарьевич Забелин, а после него Александр Олегович, мой отец. Но с его смертью семья утратила доступ в сокровищницу. Насколько я знаю, Константин изучал семейные архивы, разыскивая способ вновь попасть туда. Единственное, что выяснил, первоначально тропу легче открыть в святилище. Он раскопал упоминание, что однажды источник сам привел действующего главу, не унаследовавшего редкое умение, в тайное место и вернул обратно.

- И что это значит?

- Теперь уже ничего, - Игнат пожал плечами. - В последнем письме Константин намекнул, что нашел способ. Подробности не сообщал, обещал рассказать при личной встрече, которая так и не состоялась.

- Кажется, я знаю, что это за способ, - я крепко стиснула руку Игната в ладошках, - нам нужно попасть в имение.

- Эй! - крикнул брат вознице, - сворачивай к Каменной пади! И поторапливайся! - я видела, что у Игната на языке вертится куча вопросов, но он сдерживался, будто боялся спугнуть удачу.

Может, и к лучшему, потому что меня опять накрыло воспоминаниями трехлетней давности.

– Солнышко, просыпайся! – на утро после пожара меня разбудил ласковый голос. – Как себя чувствуешь, моя хорошая?

– Пить, – пискнула не своим голосом, и к губам тут же приставили емкость с живительной влагой.

Такой вкусной воды я в жизни не пила, а потому проглотила содержимое кружки до капельки. Только после этого открыла глаза. Увиденное поразило настолько, что я резко зажмурилась. Откуда в моей жизни возьмется убеленная сединами женщина, лоб которой перетянут расшитым пояском на старинный манер? Да и антураж позади никак не напоминал родной дом или, на худой конец, казенные стены поселковой больнички.

– Боярышня очнулась! – тут же раздался звонкий голос, никак не принадлежащий особе, которую я увидела.

От любопытства широко распахнула глаза.

– Очнулась, Нинушка! – ласково улыбнулась женщина, обрадовавшаяся моему пробуждению.

Вот только я никакая не Нинушка! И место незнакомое. И тетенька абсолютно чужая! Хотя какая чужая, если чувствую тепло и ласку, от нее исходящую?

– Что со мной? – новый писк без сомнений раздался из моего горла, его даже ободрало от приложенных усилий. – Где я? – по привычке хотела потерять переносицу и замерла, увидев взметнувшуюся тщедушную ручку. – Я? – подскочила на кровати, придирчиво оглядывая собственное тело. – Не я! – неловко завалилась набок, осознав, что увидела лишь слабого ребенка.

Дорогое, вышитое золотой нитью одеяло ничуть не скрывало худосочного тельца. И это тельце точно не Инга Симакина тридцати четырех лет от роду.

– Тише, деточка! – женщина подхватила меня и уложила на подушки, – не переживай. Ты в безопасности. Поверь, никто больше не посмеет тебе навредить.

А раньше посмели, что ли? Все еще не понимая, что происходит, я поднесла руку к глазам. Кожа белая и словно светится изнутри, да и размер такой, будто бы мне года три-четыре. Совсем как у Олежека ладошка.

- Где я? - повторила вопрос, и незнакомка соизволила ответить.

Не ожидала, если честно, уж больно сильно она причитала и сокрушалась о каком-то событии.

- Так дома вы, боярышня, в родовом поместье Забелиных. Скоро батюшка ваш пожалует, а матушка от переживаний слегла, доктор ей сонных капель прописал.

Я безвольно опустила руку и прикрыла глаза. Перед глазами еще стояло огненное марево, нос чутко улавливал запах гари, а по телу гуляли фантомные боли. Надо подумать и разобраться, что все-таки происходит.

- А кто я? - спросила умирающим голосом.

Это нетрудно на самом деле, когда внутри сил не осталось даже на то, чтобы пальцем пошевелить.

- Так, боярышня, Ниночка Константиновна Забелина, шести лет отроду. Неужто не помнишь, дитяtko?

Писец! Я крепко зажмурилась, переваривая новости. На память не жаловалась, и прекрасно помнила, как бросилась спасать маму Аню и папу Роберта. Стало быть, у меня не получилось? Сердце сдавило болезненным спазмом, а на глазах проступили слезы. Я умерла? Выходит, Иришка с Олежеком сиротками остались? Как же так? А Колюшка как там без меня?

- Ну-ну, поплачь, маленькая, - ощутила, как меня ласково погладили по голове, - чудом выжила. Чудом! Кто бы мог подумать, что амулет Забелиных такую силу имеет!

- Амулет? - я зацепилась за слова женщины, - какой амулет?

– Родовой, конечно! – охотно пояснила она, – вот же он! – женщина поддела пальцем кожаный шнурочек на моей шее.

Я потянула за него и выудила на свет круглую подвеску. По виду она напоминала циферблат, только вместо цифр непонятные закорючки.

Руны, услужливо подсказала память. Точно! Руны покрывали внешнюю часть подвески из черненого серебра, а центральную занимал фиолетовый камень. Красивый. Наверное, драгоценный был. Сейчас он покрылся черными трещинами, которые уродливой паутиной расползлись по поверхности. На обратной стороне амулета я с трудом разобрала надпись на старославянском, что-то о выборе пути и его бесконечности. На этом, собственно, силы закончились. Так и заснула, стиснув подвеску в ладошке.

В следующее пробуждение я познакомилась с маменькой Ниночки, боярыней Светланой Агнияровной. Молодая пышнотелая женщина прослезилась, крепко прижимая меня к груди. Сразу так тепло стало, хорошо и приятно, что я едва на заурчала как кошка.

– Сокровище мое! Радость моя. Солнышко! – осыпала она поцелуями моё лицо. – Как ты нас напугала. Расскажи, милая, что случилось? Зачем ты полезла в источник? Разве Константин Даниилович тебе не говорил этого не делать?

Вот даже как? Я полезла и чуть не умерла? В смысле, для дочери Забелиных как раз все печально закончилось.

– Я... я не помню, – в голове обрывками проскакивали чужие воспоминания.

Они накладывались на мои собственные, и от этого в голове царил хаос. Если бы я угодила в тело взрослого человека, наверное, сошла бы с ума. Но и трех сознательных лет из шести, сохранившихся в памяти храброй девочки, хватило, чтобы проникнуться трогательной заботой и сожалением, что ее жизнь оборвалась так рано. Через пару дней, когда информация улеглась, а я окрепла и поправилась, то научилась разделять свои и чужие воспоминания. И даже воспринимать последние как свои.

Например, при упоминании о святилище возникал образ просторного помещения без окон, зато с яркими фонариками на стенах и волшебным прудиком с

серебристым зеркалом воды. В его отражении Нине виделись сундуки с золотыми монетами, шкатулками с камнями, стеллажи с разложенными на них амулетами, статуэтками или фигурками животных. Впервые потайная комната проявилась в день инициации, когда на левом виске Нины появилась магическая печать рода. Но тогда девочка не поняла, что увидела, и не придала этому значения. Второй раз Нина попала в святилище через два года вместе с главой, который проводил там много времени, и видение повторилось. Конечно же, примерная дочь обо всем рассказала отцу, который так обрадовался, что повелел устроить праздничный ужин. После Константин Даниилович часто брал малышку с собой и подолгу расспрашивал, что она видит и может ли попасть в ту загадочную комнату в отражении.

А потом в семье Забелиных случилось радостное событие. На свет появился долгожданный наследник, Данияр Константинович, и внимание родителей переключилось на новорожденного. Он столько плакал из-за красных змеек, обвивающих его тельце, что никому не давал покоя. Нина тоже ждала братика, хотела с ним познакомиться, поиграться и не понимала, почему им не разрешают видеться, и почему никто ему не поможет. Едва она заикнулась о тех самых красных змейках, как в доме случился переполох. К ним приезжали незнакомые люди, которые подолгу пропадали в детской. После их ухода мама много плакала, а отец допоздна засиживался в рабочем кабинете.

Из чужаков Нина особенно запомнила надменного старика, рослую фигуру которого опутывали красные сполохи. Встречали его всей семьей, а саму Нину принарядили в новое платье. Вот только гость едва удостоил их вниманием и сразу потребовал, чтобы его проводили к наследнику. Пробыл он там недолго, но маленький Данияр зашелся таким диким криком, что мать не выдержала и бросилась к нему. Разразился скандал, в результате которого девочка узнала, что этот черствый старик – князь Агнияр Шумский, и он приходится ей родным дедом.

Детская память избирательна, некоторые вещи ребенку не понять, однако Нина крепко запомнила, как старик назвал ее пустышкой и никчемной порослью.

– Ты такая же бесполезная, как и твоя мать! – заявил он в ответ на выходку Нины, которая потребовала, чтобы он не смел обижать маму и папу, и не забирал братика. – А мальчишку сами привезете, когда не сумеете обуздать его силу.

– Убирайся! Ты плохой! – маленькая защитница топнула ногой и стиснула кулачки, – иначе я тебя уничтожу!

– Дурная кровь, – скривился дед и легким движением руки направил в малышку сноп искр.

Серьезного вреда они бы не причинили, но платье испортили. Нина, как учил отец, сосредоточилась на силе, что таилась внутри, и преобразовала ее в щит. К сожалению, слишком слабый, чтобы уберечь красивый наряд, но ведь она впервые создала его самостоятельно!

– Убирайтесь вон из моего дома! – вступился за любимицу Константин Данилович, чаша терпения которого лопнула. – И сына вы не получите! Лучше я принесу вассальную клятву Пожарским, чем отдам Данияра на растерзание.

– Ты не посмеешь! – прошипел разъяренный старик, а его огненные всполохи сделались ослепительно яркими, – иначе горько пожалеешь об этом.

Именно тогда Нина увидела в действии родовой амулет Шумских, обуздавший готовую вырваться силу, и поняла, что похожий хранится в потайной комнате. Похожий тем, что держал под контролем всех красных змеек, что обвивали тело огненного мага. Поэтому она тайком сбежала от няньки и отправилась в святилище. Как ей удалось проникнуть в сокровищницу и что случилось после того, как Нина вынесла амулет, в памяти не сохранилось.

Глава 6

Каменная падь – живописный край, окруженный лесами, озерами и месторождениями белого камня. Если посмотреть на имение с высоты птичьего полета, оно раскинулось на плоской вершине горной пирамиды, пологими ступенями разбегающейся в стороны. Белый камень, что использовали для постройки дома, идеально вписывался в ландшафт, и вся территория казалась одним жилым комплексом, сооруженным гениальным архитектором.

Дорога, по которой пролетка мчала к поместью, постепенно забирала в гору, огибая естественные возвышенности. Растущие по обеим сторонам зеленые исполины затрудняли видимость, но я знала, скоро будет поворот, за которым откроется знакомый вид на приземистое здание с зубчатыми круглыми башенками, опоясанное забором из белого камня. Я помнила, какой была Каменная падь прежде, и боялась увидеть, во что она превратилась после нападения. И все же, сердце облилось кровью при виде пожарища на месте родного дома. Черная копоть на стенах, провалы окон, выгоревший сад и ни единой живой души вокруг. Только воронье, с громким карканьем срывающееся с деревьев при нашем появлении.

Инстинктивно я схватилась за руку Игната, и тот сжал мою ладонь в молчаливой поддержке. Как бы там ни было, но это родовое имение, где жили поколения наших предков. наших, потому что я тоже Забелина, пусть и пришла из другого мира. Никто не выбирает место, в котором суждено родиться, но прикипает к нему навсегда.

– Слишком тихо здесь, – брат первым нарушил неловкую тишину. – Не нравится мне это. Вот что, – он обратился к вознице, протягивая серебро, – вот плата за труды. Высадишь нас, а сам развернешься и поедешь обратно. У развилки свернешь на заброшенную тропу. Она заросла, но, думаю, налегке проскочишь. Дорога приведет к старым развалинам, жди там. Если не вернемся через два часа, значит, не судьба.

Я проводила пролетку тоскливым взглядом, вздохнула и молча потопала вслед за Игнатом. Он уже миновал обугленный пролом, где прежде стояли ворота, и скрылся во дворе. Страшновато оставаться здесь одной, и тяжело. Но я понимала, почему брат ушел вперед. На случай, если внутри притаились враги, или же остались последствия недавней бойни. Едва я шагнула на территорию имения, как передо мной тенью вырос отступник.

– Здесь никого нет и... прибраться успели, – дрогнувшим голосом подтвердил он мои предположения. – Ты как, нормально?

Я сглотнула, чувствуя ком, подступивший к горлу.

«Ничего не нормально», – мотнула головой.

– Куда дальше? Ты сказала, что знаешь... – намекнул Игнат на причину, по которой мы прибыли сюда.

– В святилище. Но я не могу так сразу. Дай немного времени. Это тяжелее, чем я думала, – каждое слово давалось с трудом. Слез я уже столько выплакала за эти дни, что их запас иссяк, в глазах появилась неприятная сухость. – Нет, – остановила Игната, намеревающегося идти за мной, – мне нужно побыть одной. Пожалуйста. Я в порядке, просто...

– Я осмотрюсь тут, – мужчина кивнул. – Как будешь готова, зови.

Внутри дом изменился до неузнаваемости. Пожар вспыхнул в дальнем крыле, насколько я помнила, и не затронул хозяйской части. Очевидно, дружинники Шумского подожгли имение уже после того, как основательно его разграбили. Тут и гореть толком нечему, везде камень. Значит, маги постарались и прокоптили стены. Я поднялась на второй этаж и замерла перед дверью в свою комнату. Открыть ее так и не решилась. Пусть останется в памяти невредимой. Затем прошла тем же маршрутом, что двигался отряд Захара Платоновича. Открытый переход, каменные перила, колонны изрешечены пулями. На полу виднелись темные пятна, думать о происхождении которых не хотелось. Вот и выступ, об него я приложилась головой. Здесь же убили Михея. А дальше меня чудом вытащили из-под обстрела и доставили отцу.

В покоях матери царила разруха. Стены, прежде украшенные картинами и зеркалами, белели пустыми просветами. Мебель отсутствовала, а ту, что не удалось вытащить, разломали и сожгли посреди комнаты. Детскую обобрали до нитки, только закоптившийся крюк на потолке напоминал, что когда-то здесь висела колыбелька. В кабинете отца отсутствовала дверь, ее вынесли магией, не желая возиться с замком. Стеллажи с книгами и семейным архивом исчезли, даже неподъемный письменный стол из каменного дуба вынесли. У окна, где прежде стоял секретер, разобрали стену. Сволочи, даже камин раскурочили! Кому он мешал? Или дело не в этом? Что же здесь так упорно искали? Тайники?

Один схрон просмотрели! Я обратила внимание на слабые всполохи магического контура на стене. Порадовалась, что у Шумских нет одаренного с умением видеть магические потоки.

Отец редко пользовался старыми тайниками из-за слишком сложных ловушек, предпочитал держать необходимые документы под рукой, в сейфе. Старые охранные плетения подпитывались из родового источника, с гибелью которого истощились запасы силы. Сейчас тайник вскрыется голыми руками, а через пару недель я не обнаружила бы даже намека, что в каменной кладке есть пустоты.

Запас моей магической энергии еще не восстановился после полного истощения. Когда я угрожала Егорке спалить постоянный двор, на деле не сумела бы даже спичку поджечь. Меня едва хватило, чтобы заставить проявиться родовую печать. Однако посещение монастыря светочей будто пробудило внутренний источник от спячки. Я чувствовала потоки, разлитые в воздухе, и вытягивала из них силу, наполняя бездонный колодец. Сама не поняла, почему на ум вдруг пришло такое сравнение. Наверное, из-за сосущего чувства голода, от которого бурчал желудок. Или от ощущения, что резерв не восполнился даже на четверть?

Чутьочка магии, направленной в затухающую рамку тайника, активация особого зрения, и вот уже передо мной ожившая воронка со свойствами минипортала. Прежде я бы не сунулась туда, опасаясь лишиться руки, а сейчас рискнула. Надо же проверить, что будет, если войду в такую воронку целиком? Ладонь свободно прошла сквозь завихрения серебристых потоков, я ощутила легкое покалывание на коже и больше ничего такого. Нащупав продолговатый предмет, вцепилась в него и потянула обратно. В руках оказалась резная шкатулка из зеленого камня работы старых мастеров, которыми издревле славились наши края. У мамы в спальне стояла похожая, там хранились драгоценности с магическими свойствами. С волнением откинула крышечку и заглянула внутрь.

Самодельная записная книжка с пожелтевшими страницами и разохшимся переплетом, амулет из черненого серебра и мешочек, вышитый рунами. Осторожно вытряхнула содержимое на ладошку и скривилась. Какие-то черные камешки размером с горошину – даже не бриллианты, те прозрачные на вид. Ссыпала обратно. Затем покрутила в руках явно разряженный и не работающий амулет. Чем-то напомнил тот, что Нина вынесла из сокровищницы, только без камней. Характерные выемки в центре и по окружности намекали, что когда-то они тут стояли.

Хм, а что, если... Я выудила из мешочка черный камешек и приладила в предназначенное для него гнездо. Сел как влитой, назад не вытащить. Как и остальные семь, которые вставила следом. И что дальше? Я запоздало

додумалась заглянуть в дневник. На пронумерованных листочках убористым почерком описывались магические плетения различных стихий с рисунками и пошаговой инструкцией их создания. Схема нужного амулета обнаружилась на последней странице. Жаль, тут не время и не место, чтобы ее изучить.

Снаружи послышался шум, и я заметалась, не зная, куда спрятать находку. Назад уже не вернуть, тайник разрушился, исчерпав последние ресурсы. Поэтому книжку крест-накрест обвязала тесемкой, что сдернула с собственной косички, и сунула за пазуху. Амулет, поколебавшись, подвесила на шнурок к другому амулету, с которым не расставалась с того дня, как появилась в этом мире. Шкатулку тоже не бросила, приладила за поясом. При случае переложу в общую поклажу.

Подобравшись к окошку, я осторожно выглянула во двор. Игната окружил десяток воинов, обвешанных защитными и атакующими амулетами. Нападавшие скрывали лица за темными повязками, но я узнала добротные доспехи дружинников Шумского. Кипучая ненависть мгновенно разлилась по венам. Эти твари уничтожили мою семью, а Игнат – единственный выживший мужчина из рода.

Ну уж нет! Я только нашла его и не позволю отнять! И всем своим существом захотела защитить брата. Каждой клеточкой пожелала оказаться рядом и сберечь, накрыть щитом. Перед глазами возник туннель из сплетения серебристых нитей, на другом конце которого находился последний Забелин. Я бросилась туда, не раздумывая, как такое возможно, и в ту же секунду очутилась во дворе за спиной Игната. Вокруг нас фиолетовыми всполохами вспыхнул магический щит.

– Уничтожь их! – процедила я внезапно севшим голосом. – Это они убили папу и остальных. Я – щит рода! Я есть твердь. Нерушимая стена. Надежный оберег и последний рубеж между жизнью и смертью. Клянусь силой рода уничтожить врагов и восстановить справедливость!

Дружинники резко отшатнулись, когда напоролась на непробиваемую защиту. Игнат развернулся и посмотрел на меня таким взглядом, будто ему явился ангел. Ну или дьявол, сразу не разобралась. Единым движением он припал на одно колено, чтобы оказаться со мной лицом к лицу.

– Я – меч рода! Карающая длань, которая не узнает покоя, пока не уничтожит всех, на кого укажет щит рода. Я есть твердь. Неотвратимая гибель и ночной кошмар каждого, кто пролил хоть каплю нашей крови. Клянусь силой рода служить щиту рода, пока не умрет последний враг или не восстановится справедливость!

– Принимаю клятву! – я вытащила клинок и чиркнула им по ладони.

– Принимаю! – Игнат отзеркалил жест и прислонил порезанную руку к моей.

По его губам скользнула торжествующая ухмылка, когда нашу обоюдную клятву приняли боги, ну или кто там вместо них. Это выразилось в резком жжении на месте пореза и волне жара, прокатившейся по телу. В магическом зрении выглядело все так, будто два бурных магических потока ринулись навстречу и смешались, растворяясь друг в друге.

Щит полыхнул оранжевыми всполохами, демонстрируя преобладание огненной стихии в структуре плетения. Этим немедленно воспользовались дружинники, атаковав заклинанием из арсенала водников. Вот только удвоенная мощь природного дара Игната, печать которого после произнесения клятвы служения перестала блокировать силу, с легкостью поглотила удар. Брат будто обрел крылья, пружинистым прыжком сорвался с места и ринулся в атаку. Не прошло и десяти ударов сердца, как в живых остались только мы вдвоем.

– Приказ выполнен! – Игнат просиял белозубой улыбкой, вытянувшись передо мной по струнке.

– Вольно! – подыграла в тон и бросилась к нему, крепко обнимая за талию. – У меня получилось! У нас! Ты почувствовал печать? Она больше не будет тебя убивать!

– Ты еще и магические потоки видишь? – брат ласково погладил меня по макушке. – И как же мне сбересть такое сокровище, а? – он присел на корточки, – так это ты у нас теперь щит рода, глава и все остальное в одном лице?

– Нас двое, – я пожала плечами.

– Двое, – он кивнул, – но вместе мы – сила! – Игнат протянул раскрытую ладонь, порез на которой уже затянулся. Я осторожно вложила маленькую ладошку, и она тут же утопла в мужской ручище. Он пожал мою руку с осторожностью. – Тебе предстоит долгий путь в совершенствовании собственного дара. Я помогу, чем смогу. Вот только пользоваться тропами не сумею обучить. Это знание доступно лишь владеющим. А еще понадобится источник, чтобы пройти вторую инициацию и заявить во всеуслышание, что род Забелиных существует.

– Это ведь так долго, – в моём голосе прорезались тоскливые нотки. – Целых девять лет!

– Всего девять, – поправил Игнат, – и начинать обучение следовало лет с трех-четырех. Сомневаюсь, что освоишь полный курс защитника.

Я уже хотела возмутиться, что зря сомневается, но потом догадалась – подначивает. Вот только какой смысл в учебе, если родовой источник разрушен? Озвучила мысли Игнату, на что тот усмехнулся:

– Нина, ты ведь понятия не имеешь, какими богатствами обладаешь? – я приосанилась, думая, что речь идет обо мне. Но следующий вопрос спустил с небес на землю. – Ты можешь открыть тропу в сокровищницу?

– Не уверена, – я вздохнула, – с тобой это получилось впервые. Тот раз, когда упала в источник, не считаю, потому что не помню ничего.

«И когда Нина достала амулет для брата – тоже», – добавила про себя.

– Ладно, сначала убедимся, что источник разрушен. Ты ведь не спускалась туда?

– Нет, – я мотнула головой и понурилась, – не смогла.

– Сделаем это вместе, только подожди немного, пока приберусь здесь, – он указал на обгоревшие ступеньки, куда я послушно присела.

Игнат сноровисто, будто уже не раз занимался подобным, снял с мертвых доспехи, по отдельным кучкам разложил оружие, амулеты и деньги. Тела оттащил в пристройку, от которой остались обугленные стены. Следы крови

попросту спалил, закрутив по мостовой огненный смерчик.

- Поспешим! - он нагрузился чужим добром, а мне вручил саквояж, куда добавились деньги и амулеты.

В заплечном мешке одного из дружинников нашлись бутерброды и фляга с вином. Игнат по-братски поделился едой, и даже спиртное не побоялся предложить ребенку.

- Зачем это все? - я брезгливо поморщилась, не желая пользоваться тем, что принадлежало убийцам.

- Им это уже не понадобится. Так чего добру пропадать? Не знаю, как ты, а я жутко проголодался. Быка бы съел!

- Ешь, пожалуйста, - протянула свою порцию, мне совсем не хочется.

- Нин! - Игнат вздохнул, скинул поклажу и присел на крылечко. Похлопал ладонью по камню, чтобы устраивалась рядом. - Давай сразу договоримся. У каждого могут быть личные тайны. Но в том, что касается здоровья и безопасности, не молчим, говорим правду. Ты впервые воспользовалась тропой, держала щит и говоришь, не голодна? Не верю! У нас еще столько дел впереди, что физическое истощение никак туда не вписывается.

- Ладно, - в этом Игнат был прав, есть хотелось невероятно, поэтому я надкусила бутерброд и сама не заметила, как умяла его целиком под насмешливым взглядом брата. - Как думаешь, эти, - кивнула в сторону пристройки, - одни тут ошивались?

- Не уверен, - мужчина беззаботно пожал плечами, - но даже если сюда кто и сунется, это будет последнее, что он сделает в своей жизни.

Для убедительности Игнат сформировал огненный пульсар, поиграл им, покрутил на ладони и втянул обратно. Брат походил на ребенка, заполучившего желанную игрушку, или на человека, у которого неожиданно сбылась заветная мечта. В него будто вдохнули новую жизнь. Я придвинулась ближе, прислонилась к мужскому плечу, взяла Игната за руку, затянутую перчаткой.

– Они должны ответить за все, что сделали. Каждый, кто пришел в наш дом с оружием, и каждый, кто направил это оружие против нас. Никакой пощады, Игнат. Никакой!

– Ты уверена? – он захватил второй рукой мой подбородок и задрал, вынуждая посмотреть в глаза. – Мечь разрушает жизнь, уж поверь мне на слово. Разве клинок виноват в том, куда направил его хозяин?

– Они убили няню, наших двоюродных братьев, незащищенных женщин, верных слуг и их семьи. Они уничтожили нас, и никто им не помешал. Так почему я должна жалеть их? – процедила я упрямо.

– Потому что не вижу чести в бессмысленных смертях. Даже у самых отъявленных негодяев есть семьи, дети, верные слуги. Их тоже захочешь уничтожить? Чем же ты будешь отличаться от убийц? Поднимется ли у тебя рука на ребенка? Если прикажешь, я сделаю это, но ответственность за невинную жизнь ляжет только на тебя. Не нравится, да? – он хмыкнул, когда я часто заморгала, чтобы унять навернувшиеся слезы. – Правда никому не нравится и прежде, чем отдать какой-либо приказ, хорошенько подумай, кто наш главный враг.

– Агния Шумский! – выплонула я имя убийцы.

– Вот именно! Забыла добавить, князь Агния Шумский. И чтобы воевать с ним на равных, тебе нужно вырасти для начала, встать на ноги, занять надежную опору и заручиться поддержкой влиятельных союзников.

– Где же я их возьму? – вздохнула я. – Ты прав, конечно. Просто внутри все закипает, стоит представить, что эта тварь жирует и празднует победу, тогда как мама и папа...

– Ты справишься, – Игнат взлохматил мне на макушке волосы, которые расплелись без тесемки. – Идем, мы и так уже задержались, – он поднялся, вновь нагружаясь вещами. – Не исключено, что дружинники направили вестника князю, и сюда уже спешит усиленный отряд.

Глава 7

Воздух в святилище хранил тяжелый запах крови и смерти. Святилище осквернили, лишив жизни хозяев, но и этого показалось мало. Вандалы расколотили каменную чашу источника, испортили менгиры, что столетиями оберегали святое место и накапливали родовую силу. Битые осколки засыпали каменный пол, скрывая под собой бурые пятна. Но трагедия оставила рваный шрам в памяти. Где бы ни задерживался взгляд, я с дрожью вспоминала, кто и как здесь погиб. Вот у засыпанных ступеней осталась лежать Марьяна Никитична, чуть дальше расправились с мальчишками. Возле выжженного в полу следа от защитного круга встретил смерть верный дружинник Захар, рядом с ним вступил в последнюю схватку отец. А за его спиной укрывались мы с мамой. Когда ее ранили, я бросилась на убийцу. Дальше в плечо вошла чужая сталь, и меня отшвырнули к источнику. Это мог сделать только отец. Выходит, спас меня? Интересно, он знал, что источник защитит последнюю из рода? Или истово верил, что духи предков сберегут наследие древней крови?

– Приберусь тут немного, – негромко произнес Игнат.

Он сложил вещи в углу, а сам спустился к разбитой чаше каменного бассейна и принялся доставать оттуда мусор. Я взялась оттаскивать его в сторону, попутно подбирая мелкие камешки, что валялась под ногами. За час нам удалось расчистить источник и понять, что восстановить его не удастся, по крайней мере, только нашими силами. Глубокая трещина расколола гладкое дно чаши на две части. Вода, что наполняла ее когда-то, ушла.

– Бесполезно, – брат опустил на колени, просовывая пальцы в трещину, будто мог там найти что-то.

Я вот среди обломков подобрала плюшевого мишку брата. Он не расставался с ним, засыпал только в обнимку с этой игрушкой и обронил, когда убийцы вырвали ребенка из рук матери.

– Совсем ничего нельзя сделать? – я прижала к себе мишку, чудом сохранившего едва различимый запах молока.

– Это ты мне скажи, – вымученно улыбнулся мужчина, – что происходит с магическими потоками? Издревле источники и святилища обустроивали вокруг природных зон силы. Чаши и менгиры изготавливали из редкой породы камня, обладающего свойством накапливать энергию в больших количествах. Позже один из предков вывел сюда подземный родник. Наверное, из стратегических соображений, чтобы защитники в случае осады не умерли от жажды. Однако вода показала себя идеальным проводником силы и хранителем событий, что происходили вокруг на протяжении столетий. Если помнишь, при инициации ребенка погружают в источник. Так он запоминает нового члена семьи и дает защиту в виде печати. Во время второй инициации источник пробуждает память рода, что содержится в древней крови, раскрывает потенциал, делится накопленным опытом и открывает доступ к неисчислимым запасам энергии. Поэтому родовые земли древнего клана редко удается захватить.

– Но как же тогда... – вопрос застрял комом в горле.

– Твой отец – глава младшей ветви, пусть и первенец, но от второго сына нашего общего прадеда. Кто-то одним ударом обескровил Забелиных, разом устранив представителей старшей ветви. Отца казнили, мой родной дед Олег погиб за год до печальных событий, твой дед Даниил собственными руками отлучил меня от рода. Я не держу на него зла. Это было тяжелым испытанием для обоих, но он не вынес чувства вины и умер от сердечного приступа. Бремя ответственности легло на Константина, и он всеми силами старался сохранить род. Ты – прямое доказательство тому, что его усилия не пропали даром.

Я отвела взгляд, не зная, что сказать на это. Настоящая Нина погибла три года назад, в ее теле поселилась душа из другого мира. Но ведь это случилось именно здесь, так почему источник допустил такое? Почему позволил чужой душе проникнуть в тело и не сохранил жизнь последней носительнице древнего дара? Или же... намеренно допустил этот обмен, заранее предчувствуя беду? К сожалению, никто не ответит на эти вопросы. А Игнат поймет ли меня, если расскажу правду? А нужно ли рассказывать, ведь я давно считаю себя частью семьи?

Помотала головой, чтобы избавиться от назойливых мыслей, и посмотрела на источник магическим зрением. Оно и проявилось здесь впервые, приоткрывая завесу тайных знаний. Прежде чашу наполняла вода, в которой концентрировалось столько энергии, что она не давала рассмотреть магические потоки в камне. Теперь же я видела энергетические каналы, пронизывающие

саму структуру каменной породы. Не знаю, какой гений создал подобное, но это выше моего понимания. Я могла лишь констатировать, что трещины разрушили единую сеть рисунка. Энергия больше не накапливалась, а рассеивалась в пространстве.

– Я вижу, как утекает сила, но не знаю, как это исправить, – я беспомощно развела руками.

– А если закрыть щель, это поможет?

– Сомневаюсь, но попробовать можно. Только вот эти места, – я указала на прежние точки выхода силы, – перекрывать не нужно. Чаша – один огромный артефакт, в котором каждый сантиметр покрыт рунами.

– Разве? – Игнат удивился, проводя рукой по гладкой поверхности.

– Этот рисунок как бы вплетен в кристаллическую решетку э... – запнулась, понимая, что вряд ли тут используется такое понятие, о котором знала только то, что оно есть. Учиться надо было лучше в школе. – Руны расположены внутри камня, – я исправилась, игнорируя подозрительный взгляд брата. – Будет ли артефакт работать, если склеить части, неизвестно.

– У нас все равно нет другого выхода. Попробуем? Я нагрею чашу и сплавлю расколотые части между собой. Только подсказывай, если вдруг что-то пойдет не так или затрону те узлы, о которых ты говорила.

Я молча кивнула и пристроилась за плечом Игната. Красные змейки, как их называла Нина, или силовые потоки, опутывающие тело мужчины, стали стремительно расти, вытягивая энергию из окружающей среды. Одно хорошо, ее тут скопилось в избытке, так что процедура не заняла много времени. Затем потоки устремились к ладони брата, которой тот накрыл часть трещины. Камень под рукой Игната накалился и сделался пластичным. Я вдруг поняла, что оборванные линии плетений сами стремятся воссоединиться, но слишком малы, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние. Попыталась помочь им, влила чуточку энергии, чтобы подтолкнуть потоки в нужном направлении. Но мои усилия сводила на нет магия огня.

– Когда скажу, убери руку, пожалуйста, – попросила я Игната. Тот угукнул в ответ и чуть отодвинулся, предоставляя место для манипуляций. Непросто было решиться на опасный эксперимент. Но если есть хоть малейший шанс восстановить чашу, я должна попробовать! – Давай! – отдала команду и опустила ладони на раскаленную часть трещины, как только брат выполнил просьбу.

Из глаз брызнули слезы, в нос ударил запах паленой кожи. Однако я успела подтолкнуть потоки друг к другу, прежде чем Игнат отшвырнул меня в сторону.

– С ума сошла? – закричал он, бешено вращая глазами. – Идиотка малолетняя! Руки – рабочий инструмент мага. Или хочешь обзавестись таким же украшением, как у меня? – Игнат стащил перчатку с правой ладони и продемонстрировал протез.

– Нет, – всхлипнула я. – Не кричи, пожалуйста. Ты меня пугаешь.

Игнат пробормотал что-то невнятное сквозь зубы и бросился к саквоюжу. Вернулся быстро, с амулетом, снятым с дружинников, и банкой мази. Сначала активировал амулет, который опутал мои ладони зеленоватым свечением. Оно приглушило жжение и смягчило боль, от которой хотелось лезть на стенку. Затем настал черед мази, её Игнат жирным слоем нанес на обгоревшую плоть. Ощущения снизились до отметки «терпимо», и я шумно выдохнула от облегчения.

– Даже я не рискну совать руки в огонь, созданный другим магом, – похоже, наступил черед нотаций. Я понурилась, понимая, что заслужила упреки. – Ты чем думала? Могла бы объяснить, что нужно сделать. Или держишь меня за полного идиота? Если я не вижу потоки, это не значит, что не умею с ними работать!

– Прости, я не специально, – я хлюпнула носом, – увидела, что структура может восстановиться, если слегка подтолкнуть потоки друг к другу. Сам посмотри, у нас ведь получилось!

Действительно, в том месте, где Игнат воздействовал на камень магией, края трещины сомкнулись. А еще, на поверхности остались отпечатки детских ладошек, как напоминание о глупости. Ну или самопожертвовании, с какой стороны посмотреть.

– Так! – брат усадил меня на бортик чаши подальше от трещины. – Говори, что делать, и больше не суй руки, куда не следует. Понятно?

– Угу, – я насупилась. – Когда скажу, постарайся соединить края между собой. Только не дави сильно, чтобы не повредить структуру рисунка.

Следуя подсказкам, Игнат прошелся по всей длине разлома и соединил расколотые части. Вернее, они сами соединились, а он лишь немного помог.

– И что дальше? – настроение заметно улучшилось после проделанной работы, только ладошки нестерпимо зудели под мазью.

Приходилось терпеть.

– Дальше? – мужчина озадаченно почесал макушку, – если бы я знал. Как насчет наведаться в сокровищницу? Сумеешь открыть тропу?

– Не знаю, – я пожала плечами. – Попробую, но ничего обещать не могу. Меня другое беспокоит. А что, если в наше отсутствие сюда вновь наведаются чужаки и разрушат источник?

– Нда, я тоже об этом подумал. Но оставаться здесь небезопасно, мы уже задержались дольше, чем следовало. Сколько времени тебе понадобится?

– Хотела бы сама знать, – я вздохнула, – прежде я видела тайную комнату в зеркале источника. Сейчас вода ушла и неизвестно, вернется ли вообще. Никто из нас не владеет умением выводить подземные воды на поверхность.

– Ну, теоретически ты умеешь, – хмыкнул Игнат. – Полный родовой щит есть не что иное, как сетка из плетений разных стихий. Само знание передается по крови и впитывается с молоком матери. Мы практически не задумываемся над процессом, когда создаем идеальную защиту. Этот навык веками отработывался поколениями Забелиных, и даже в малом возрасте его создание не требует особенных умений. Разве что в силу неразвитого внутреннего источника у детей нет возможности поддерживать щит на протяжении длительного времени.

– Папа ничего такого не рассказывал, говорил, рано еще. Вот подрасту, тогда и начнется полноценное обучение магии, – пробурчала с толикой грусти.

Ладонка в этот момент так сильно зачесалась, что я не выдержала и удовлетворила желание.

– Ну-ка, дай гляну! – брат соскреб ногтем часть мази, что успела подсохнуть к ране, хмыкнул. – А я не верил, что раны возле источника заживают втрое быстрее.

– Так ведь энергии здесь разлито море! – помнится, я удивлялась, что плечо быстро перестало болеть. Вот почему внутренний источник восстанавливался так медленно! Все силы организм бросил на заживление раны. – Помоги снять повязку, – попросила Игната.

Тот осторожно размотал тряпку, цокнул языком при виде уродливого красного шрама. Затем этой же тряпкой счистил мазь с ладоней.

– Ну, одной проблемой меньше, – он придирчиво ощупал розовую кожицу, что выросла на месте ожогов. – Поразительная скорость восстановления, даже с учетом целительного амулета и заживляющей мази. Ладно, посиди пока тут, а я схожу осмотрюсь.

– Будь осторожен!

– Волнуешься? – он потрепал меня за щеку, – не стоит. Это раньше я тратил силы на борьбу с самим собой, а теперь пусть враги боятся! Ты даже представить не можешь, какая мощь бушует в теле. Хотя ты, наверное, как раз и можешь. Хорошо, рисковать без надобности не буду, – Игнат сдался под моим насупленным взглядом.

За одиннадцать лет огненная стихия расширила магические каналы Игната за счет поглощения каналов других стихий. За один раз брат мог бы пропустить через себя колоссальное количество энергии. Вот только тут и крылась проблема, что одновременно с врагом братец расплавил бы половину Каменной пади. Как бы не пришлось ему заново учиться дозировать силу и манипулировать малым количеством энергии.

Отдать должное, Игнат ответственно отнесся к просьбе. Он воспользовался трофейной экипировкой и повесил на шею парочку амулетов. Теперь не отличишь от дружинников Шумского. Одно это защитит от выстрела из засады и позволит смертельно удивить противника. А опознать брата я сумею с закрытыми глазами, так сильно он светился сейчас в магическом зрении. Собственной безопасностью я также пренебрегать не стала. Окружила себя щитом, для поддержания которого не требовалось прилагать усилий. Чаша источника снова собирала энергию и щедро делилась ею со мной. Вот только мысли крутились вокруг того, как защитить земли в наше отсутствие, а не попасть в тайную комнату. Да, немного золота не помешало бы на обустройство, а вот светить редкими артефактами я бы поостереглась. В конце концов, деньги заработаем, Игнат теперь здоров, и я буду помогать по мере сил. Не так уж много надо двоим для сносного существования. А вот вернуться сюда лет через девять-десять и обнаружить чужаков, хозяйничающих тут как у себя дома, очень не хотелось.

Наверное, я слишком погрузилась в себя, поэтому не сразу обратила внимание, что некоторые руны на менгирах вдруг засветились. Да и внутри чаши произошли изменения, в результате которых на первый план выступили цепочки плетений с идентичными руническими знаками. Что бы это значило? Неужели эти каменные столбы, расположенные по сторонам света, несли дополнительные функции помимо накопления энергии?

Я все еще сидела на краю чаши и, подобрав под себя ноги, с восторгом наблюдала за магическими преобразованиями в структуре источника. Вместе с этим чувствовала, что изменения происходят на территории имения и даже во всей Каменной пади. Вот только какие? Как бы узнать? Стоило только подумать, как из менгиров выстрелили тонкие золотые лучи, соединив четыре столба между собой. Затем такие же лучи устремились к центру чаши, а из нее навстречу потянулись золотые змейки, на ходу переплетаясь в сложные геометрические фигуры. У меня челюсть отвисла от удивления, когда в магической конструкции, выросшей за считанные минуты, образовался проход. Прямо от того места, где я сидела, и до центра чаши, где сходились золотые лучи. Таким приглашением грех не воспользоваться.

Я чувствовала себя Золушкой, к которой явилась фея-крестная, чтобы исполнить заветное желание. Что удивительно, никакого страха перед происходящим не испытывала, только непередаваемый восторг и восхищение талантливым магом или магами, что создали подобное чудо. Едва я заняла центральное место, как

проход сомкнулся, а золотые лучи оплели тело с головы до ног. Нервно хихикнула, потому что прикосновения вызвали легкую щекотку. А потом замерла с открытым ртом, когда змейки проникли внутрь, и в голове замелькали яркие картинки.

– Это же... – я покрутилась, чтобы убедиться, – это же Каменная падь!

Мне по очереди показывали знакомые места, где проходила граница наших земель. Причем на каждой такой картинке фигурировал каменный столбик с рунами. Знаки на менгирах вспыхивали, стоило только сосредоточить на них внимание, и соединялись в единую сеть, опоясывающую родовые владения Забелиных.

– И что это значит? Неужели это какая-то древняя защита? Почему же прежде ею не пользовались? Каким образом она уберезет дом от чужаков?

Древний артефакт, или источник, или нечто большее – не берусь определить, что это такое. Может, разумная сила? На мой взгляд любое из этих определений подойдет. Так вот, он не отвечал на вопросы прямо, зато умело оперировал картинками. В качестве демонстрации показал паромобиль с гербом Шумских, несущийся к имению на всех парах. Вот он пересек невидимую линию, протянувшуюся между двумя соседними менгирами, и через десяток-другой метров вдруг заглох. Из недр металлического гиганта высыпали бойцы и быстро рассредоточились вокруг, ожидая нападения. Нападать-то там на них некому, но с каждой минутой ожидания дружинники нервничали сильнее и озирались по сторонам. Лиц, скрытых за масками, я не видела, но дерганные движения и неестественность в поведении бросались в глаза. У одного из бойцов, видимо, слетел предохранитель, раз он направил оружие против товарищей. Раздались выстрелы, вскрики, дорогу заволочло дымом, кто-то сломя голову бросился бежать. В общем, когда дым развеялся, на дороге остался сиротливо стоящий паромобиль и тела, замершие в неестественных позах.

– О, да! Это то, что нужно! Так им и надо, убийцам! – я вспыхнула кровожадной радостью. – Кто к нам с мечом пожалует, тот от него и погибнет, ага.

Следующей картинкой источник показал нашего извозчика на пролетке, который гнал лошадей и неистово крестился. Судя по накатанной колее вокруг старых развалин, что-то водило мужичка по кругу и не давало выбраться на дорогу.

– Ну над простыми людьми зачем издеваться? Если ничего плохого не замыслили, пускай едут с миром. С другой стороны, всех любопытных не отвадишь. Вот так поблуждают немного, второй раз на наши земли не сунутся.

Возница, наверное, отчаялся, раз бросил вожжи и забился в глубь пролетки. А вот лошадки умные, потихоньку пошли в нужном направлении и вскоре вывезли хозяина на главную дорогу. Ну а когда пролетка пересекла линию защиты, мужичок пришел в себя, пересел на козлы и погнал прочь.

– Вот и хорошо, – я выдохнула с облегчением. – Теперь я спокойна, что никто посторонний тут не появится в наше отсутствие. Когда-нибудь я вернусь и отстрою имение заново, и оно снова заживет полноценной жизнью. А пока мне нужно подрасти и набраться опыта, овладеть даром и обзавестись верными людьми, – поделилась я с источником планами. – Жаль, не осталось никого из родичей, кто бы обучил пользоваться тропами. Кстати, а это правда, что здесь обитают духи предков?

И зачем я это спросила? Тотчас вокруг чаши выросли призрачные фигуры, среди которых узнала деда Даниила Александровича, чей портрет висел в кабинете отца. Старшего брата моего деда Олега Александровича с супругой и прадеда Александра Закарьевича с двумя женами, Елизаветой и Еленой. Последняя ласково улыбнулась, когда я задержала на ней взгляд, и протянула руки, будто желала обнять. Она что же, не знает, что ее правнучки больше нет? И почему я не вижу Нины среди родственников? И мамы с папой, и остальных, кто погиб недавно? Ну да, чего спрашиваю? Их ведь не проводили по родовому обряду. Отца Игната и его мать я также не увидела среди ушедших.

Призрачные женщины в старинных нарядах, мужчины в сверкающих латных доспехах смотрели на меня с надеждой и сомнением. Все они уйдут в небытие, если не справлюсь. Это накладывало серьезную ответственность и осознание, что не имею права их подвести.

– Я не подведу! – я исполнилась искренней верой, что сделаю все возможное и выполню обещание.

Первой отреагировала Елена, которая никак не походила на прабабушку. Высокая, стройная, светловолосая, ее лица даже не коснулись морщинки, так молодо она выглядела. Женщина дотронулась до плеча Александра

Закарьевича, с улыбкой заглянула ему в глаза, будто просила о чем-то. Следом к ней присоединилась и старшая жена Елизавета. Под напором двух красавиц грозный глава сдался. Он пересек границу источника и будто растворился в нем. Однако я ощутила его незримое присутствие поблизости. Перед глазами новой картинкой показалась знакомая тайная комната. Казалось, только протяни руку, и прикоснешься к сундукам с золотом или же шкатулкам с украшениями из драгоценных камней. Наверное, в каждой женщине кроется желание обладать красивыми вещами. Если уж не владеть ими, то хотя бы пощупать, примерить. Вот и я невольно потянулась к сверкающей диадеме из бриллиантов и сапфиров, уж больно притягивала она взгляд. А потом вдруг поняла, что каким-то образом оказалась в сокровищнице. Это настолько выбило из колеи, что я едва не выронила диадему, которую сцапала загребущими лапками.

Полюбовалась на красоту некоторое время, даже примерила – великовата, а после положила на место. Возможно, однажды я с гордостью надену родовые драгоценности, а пока не заслужила. Со вздохом осмотрелась, понимая, что источник показал далеко не всю сокровищницу. Настоящим богатством были древние свитки и книги, что хранились на отдельном стеллаже. Уникальные знания по магии, история рода в личных дневниках и записях, которые вел каждый глава. Наверное, и мне стоит завести такой, чтобы уберечь уже моих потомков от повторений ошибок прошлого.

Я потянулась к ближайшему свитку и с удивлением поняла, что он окружен защитным заклинанием. Ни взять его, ни открыть невозможно. Странно! По очереди коснулась других свитков и даже книг, с которыми повторилась та же история. И только дневник с буквами «А.З.З.» на обложке дался в руки. Выходит, требовалось согласие самого предка, чтобы его записи стали доступны для прочтения? Интересно, почему так? Других мыслей, что это напрямую зависело от личностных качеств и силы дара, на ум не приходило. Хотя, логика в этом есть. Например, стимул развиваться самому и развивать способности, чтобы выйти на новый уровень владения даром.

Гм, а как же тот дневник, что я обнаружила в тайнике? Выудила его из-за пазухи и посмотрела инициалы на обложке. «Н.А.Б» – значилось там, чему я несказанно удивилась. Выходит, прежняя хозяйка или хозяин записей не принадлежал семье? Может, это кто-то из младшей или побочной ветви? Странно, насколько мне известно, все предки Забелиных носили одну фамилию. Хм, но ведь девушки в замужестве переходили в род супруга? Хотя, бывало и такое, что мужья входили в род жены, если сами ниже по положению. Надо выяснить, кто же

использовал старый тайник, чтобы сохранить знания.

– Могу я взять записи с собой? – поинтересовалась у невидимого спутника. Ответом послужило дуновение ветерка, пробежавшее по лицу. Гм, это да или нет? Скорее, да, вряд ли мне позволят задержаться, чтобы изучить содержание. – Большое спасибо! – приложив руку к сердцу, я почтительно поклонилась. – Наверное, пора возвращаться?

Тишину нарушил легкий звон монет, напомнивший о моей же просьбе. Нам потребуются деньги на первое время, а у Игната, насколько я поняла, сбережений не накопилось. С другой стороны, нищенствовать, имея в распоряжении сундуки с золотом, глупо. Какой смысл в сокровищах, если последний, кто по праву может ими распоряжаться, погибнет в нищете от голода или болезней? Утрирую, конечно, но главное богатство рода измеряется отнюдь не в деньгах.

– Я не знаю, сколько взять, – предупредила Александра Закарьевича, – не считите за труд, подскажите, есть ли здесь кошель или мешочек для денег?

Маленькая уловка, чтобы по размеру упаковочной тары определить приемлемое количество золота. Не знаю, уловил ли прадед скрытый смысл просьбы, но с полки, где лежали артефакты, вдруг спланировал на землю невзрачный кошель.

«Наверное, кто-то случайно здесь забыл, – подумалось мне. – Но это то, что нужно!» На такой даже воры не позарятся, он чуть ли не до дыр светится потертостями. Интересно, не прохудится, если положить в него золото?

Бережно подобрала мешочек и вернулась к сундуку. Зачерпнула монеток и осторожно пересыпала в узкое горлышко. Затем еще одну горсточку и еще.

– Э... это как? – я по-прежнему сжимала в руках тощий кошель, а вот веса золота не ощущала, и зрительно он оставался плоским. Запустила внутрь ладонь и вытащила парочку желтых кругляшей, повертела, даже на зуб попробовала, опустила обратно. – Нет ничего! Что за фокусы? – беспомощно огляделась. Называется, схитрила! Если я правильно поняла, то это безразмерный артефакт, сколько ни насыпь туда денег, внешне никак не будет заметно. Кошель даже магией не светился, выглядел обычным предметом. – И как же теперь быть? А вдруг потеряю такое сокровище?

Видимо, меня решили поторопить, раз перед глазами возник образ источника. Я положила кошель на край сундука, чтобы сподручнее подгрести монетки, а сундук возьми и весь исчезни. Удивиться не успела, как вновь оказалась в святилище.

Глава 8

Я неловко переступила и смутилась под строгим взглядом Игната, ожидающего на ступенях перед чашей. С некоторым сожалением отметила, что конструкция из золотых лучей исчезла, менгиры больше не горели руническими знаками. Надеюсь, защита имения работает?

– Зачем ты забралась в источник? – хмурясь, спросил брат. – Это грозит перенасыщением магических каналов силой. Снаружи непонятное творится, нам давно пора уходить. Ты нашла способ попасть в сокровищницу?

– Пожалуйста, можно я ему покажу? – шепотом спросила разрешения у источника и духов предков.

Наверное, они постоянно тут присутствовали, но раньше я их не ощущала. Эх, если бы я только знала о древней защите! Скольких нелепых смертей удалось бы избежать.

– С кем ты разговариваешь? – Игнат резко крутанулся вокруг себя, выискивая посторонних.

Я же с улыбкой протянула руку, призывая подойти поближе. Вот странно, как вытаскивать мусор и заделывать трещину, брат даже не задумывался, где находится. А теперь откуда-то взялись сомнения, и даже робость перед священным для рода местом. Дождалась, пока Игнат встанет рядом, вложила правую ладонь в его руку, заговорщически подмигнула и прислонила указательный палец левой руки к губам.

– Покажи нам защиту, пожалуйста! – попросила вслух. Хватило бы и мысленной просьбы, но я нарочно предупредила Игната, чтобы не сильно удивлялся. Он

крепко стиснул мою ладошку, когда засветились менгиры, а поверх чаши проступила конструкция из золотых лучей. – Ты видишь? – я задрала голову, чтобы посмотреть на реакцию брата.

Расширенные от удивления глаза, наивный восторг во взгляде, глупая улыбка на губах – Игната крепко накрыло, раз он минут десять молча пялился на открывшееся зрелище. Интересно, а как мужчин выводят из шока? Я уже и за руку дергала, и щипала его, и толкала кулаком в бок, только костяшки отбила – бесполезно. И это он еще родственничков не видел! Пожалуй, нельзя столько потрясений сразу вываливать на тонкую душевную мужскую организацию. Тьфу! Тоже мне, карающий меч!

И как прикажете его через тропу вести? Кажется, основной принцип я поняла. В мельчайших подробностях представить место перехода, не забыть, что потребуется уйма энергии, и сильно захотеть попасть в это место.

Ой! Я внезапно оказалась в углу святилища, где оставили вещи. Еще одно важное правило! В момент переноса не думать ни о чем постороннем, а то попадешь вовсе не туда, куда нужно.

Я вот мимоходом представила, что неплохо было бы переместиться к границам наших земель. Вот только вещи не забыть, пригодятся в дороге. О саквояже, выходит, беспокоилась сильнее, если вышла прямо к нему. Раз уж так получилось, прихватила наше добро и посмотрела на брата, истуканом замершего в центре источника. Со стороны действительно смотрелось странно, будто человек застыл соляным столбом, увидев нечто необычайное. И только в магическом зрении открывалась иная картина. Фигуру мужчины оплетали золотые лучи, и весь он светился, находясь в столбе силы, бьющем из-под земли. Вот кто по праву должен стать следующим главой! Это Игнат – будущее и надежда рода, а я щит, который всегда будет рядом. Не успела подумать, как снова переместилась, на этот раз к брату, куда и хотела.

Все! Теперь точно пора! Взяла родича за руку и нашла взглядом дорогу, где стоял брошенный паромобиль князя Шумского. Надеюсь, Игнат умеет им управлять?

Реальность бросилась навстречу всполохами серебристых потоков силы. Они пронзили пространство, образовав круглый тоннель, по дну которого

переливалась серебром узкая тропинка. В области солнечного сплетения образовалось сосущее чувство пустоты из-за резкого оттока силы. Но я уже видела точку выхода, поэтому ринулась вперед, увлекая за собой и Игната. Тоннель выбросил в полуметре над землей и схлопнулся, едва мы из него вывалились. Никто из нас не был к этому готов, а потому оба плюхнулись в пыль, взметнувшуюся при открытии перехода. Я еще и проехала на четвереньках, обдирая колени и кожу на ладонях.

- Что это? Где мы?

Ну, хоть какая-то польза! Игнат вышел из ступора, раз вон даже не испачкался и ловко удержал равновесие. Рефлексы у него отработаны до автоматизма. Еще не понял толком, где оказался, а уже бросился к телу дружинника с мечом наперевес. Вот только сражаться тут уже не с кем, вояки сами поубивали друг друга. Постанывая, я поднялась на ноги и поковыляла к саквоюжу, отлетевшему в сторону при падении. Где-то там лежал амулет исцеления и заживляющая мазь. А еще я бы съела чего-нибудь, причем срочно. Внутренний источник опустел, хотя в святилище резерв был полным. Но сначала раны! Активировала амулет легким импульсом силы, помазала ссадины, которые затягивались прямо на глазах, и голодным взглядом уставилась на паромобиль. Внутри обязательно найдется что-нибудь съестное!

Не знаю, что спасло меня. Наверное, судьба смирилась с непроходимой глупостью и не позволила умереть в начале пути. Я не подумала, что в паромобиле кто-то остался. Распахнула дверцу и увидела дуло мушкета, направленное в лицо. В ту же секунду раздался звонкий щелчок – осечка! Затем уже сработал щит, а через мгновение грохнул выстрел, отбросивший меня на десяток метров. Падая, я услышала глухой вскрик, звон стали и чавкающий звук входящего в плоть меча. Потом от удара о землю из меня вышибло сознание.

Очнулась от потока воздуха, хлынувшего в легкие через рот. Затем что-то надавило на грудную клетку, и он со свистом вырвался обратно. Я закашлялась, и в этот момент голова закружилась, так резко верх и низ вдруг поменялись местами. Как оказалось, меня перегнули через колено, чтобы похлопать по спине. Этого издевательства не выдержал уже желудок, так что я одним махом избавилась от его содержимого.

- Воды? – в поле зрения возникла фляжка, к которой я немедленно припала, обливаясь и жадно глотая жидкость. – Ты как, жива?

– Вроде бы, – прошептала в ответ. Меня тут же крепко стиснули в объятиях то ли от радости, то ли от желания расплющить. Я жалобно пискнула, сил не осталось сопротивляться бурным проявлениям чувств. – Раздавишь!

– Извини, – хватка ослабла, – я так испугался, что потерял тебя... ты же ходячее бедствие какое-то!

– Прости, я больше так не буду, – я обняла Игната за шею и заглянула ему в глаза. – Правда-правда!

– Вот зачем ты туда полезла? – он горько вздохнул. – Сердце из груди чуть не выпрыгнуло, когда услышал выстрел и увидел, как ты падаешь.

– Я укрылась щитом, меня просто отбросило, – пробурчала виновато.

– Укрылась она! До или после осечки?

– После, – призналась с неохотой, – и я тоже испугалась, между прочим.

– Вот тебе первый урок: никогда не переть напролом! Не лезть в закрытые помещения, не убедившись, что там нет врага или ловушек. Неужели Константин этому не учил?

– Учил, но я не думала, что в паромобиле кто-то остался. Я же видела, как люди разбежались в панике, как перестреляли друг друга.

– Не думала она! Вот именно, ты сначала делаешь, а потом думаешь. Надо поступать наоборот, – поучительно произнес Игнат.

И сказать-то на это нечего, он прав. Самое грустное, что прежняя я точно такими же словами втолковывала Иришке прописные истины. Казалось бы, я ведь все это знаю, прекрасно понимаю, как и что нужно делать, но уже после того, как совершу очередную глупость! Где спрятан переключатель, претворяющий в жизнь собственные умные советы?

– Я научусь этому, честно. А сейчас давай поищем что-нибудь съестное? Пожа-
луйста, – желудок заурчал в унисон, вызвав на лице Игната улыбку.

– Проголодалась? Наверное, и в паромобиль за едой полезла?

– Угу, – я шмыгнула носом. – Открытие тропы опустошило резерв. В святилище перед этим я перемещалась за саквояжем и обратно, и даже не почувствовала оттока силы. А когда сюда пришли, показалось, будто неделю голодала.

– Так, а вот это уже серьезно! – Игнат поднялся, подхватил меня на руки и направился к машине.

С момента нападения прошло минут пять, не больше. Распахнутая дверца паромобилия покачивалась от легкого ветерка. Вместе с мечом, проткнувшим ее насквозь, и насаженным на лезвие дружинником. На землю под ним уже натекла приличная лужа крови.

– Гнида! – Игнат сплюнул в сторону мертвого противника. – Чтобы стрелять в беззащитного ребенка из мушкета в упор, надо быть конченым отморозком. Где только Шумский таких уродов находит?

Я считала, воин не видел в кого стрелял, потому что у него крыша поехала на почве страха. Теперь это уже не имело значения, обошлось, поэтому не стала ничего говорить брату. Он и так переволновался.

В салоне, тесноватом для перевозки десятка бойцов, из съестного обнаружили только сухари, припрятанные под сиденьем водителя. Наверное, их там забыли очень давно, раз они превратились в камень. Но я бы сгрызла и камень, лишь бы заполнить сосущую пустоту в желудке. Игнат налил в кружку воды и опустил туда сухарик, чтобы размочить. Минуты, пока размягчалась плотная структура спрессованного хлеба, показались невероятно длинными.

Брат оставил меня наедине с вожденной добычей, а сам отправился прогуляться по окрестностям. Заодно намеревался убрать тела с дороги и снять с них все, что представляло ценность. Поглощенная мыслями о еде, я забыла сказать, что в деньгах мы теперь не нуждаемся, поэтому мародерствовать нет необходимости.

– Зачем? – удивился мужчина, когда я заявила, что экипировку дружинников, оружие и другие вещи нужно оставить.

– У нас же есть золото, – продемонстрировала кошель, из которого высыпала горсть желтых кругляшей. – Его там много, не смотри на неказистый вид.

– Что в бою взято, то свято! – поведал Игнат негласное воинское правило. – Мы этих тварей в гости не звали, так что трофеи принадлежат нам на законных основаниях. А золото еще пригодится, нечего раскидываться тем, что предки накапливали веками. Часть его точно так же собрана с трупов врагов. В качестве трофеев иной раз такие редкости попадаются, что диву даешься. Между прочим, я не зря время потратил. Смотри, – он показал свиток, обгаренный кровью. – Видишь, чья печать здесь стоит?

Меня аж перекосило, когда узнала герб Шумских и увидела размашистую подпись самого Агнияра Святозаровича.

– «Подателю сего препятствий не чинить и оказывать всяческое содействие», – прочитала текст свитка. – И что?

– То! – фыркнул мужчина. – Не понимаешь? Нам нужно выбираться отсюда, а машина с гербом князя и бумага с личной подписью станут нашим пропуском. Наш транспорт того, улетел с рассветом. Буранский предупредил, что ждать никого не будет. Князь уже знает, что в имени появились наследники. Иначе откуда тут усиленный отряд из личной охраны Шумского и его доверенный человек? Вот эта штука, – он постучал по стенке паромобиля, – кучу денег стоит. Не будут ее гонять ради мелких поручений, так что нам сильно повезло, что эти ребята нас не нашли.

– И какой план? – я уважительно кивнула, признавая бесспорную правоту Игната.

– Вернемся в Суздаль, разузнаем обстановку. Что в народе говорят, сильно ли нас ищут? Попробуем нанять воздушное судно или же поднимемся по реке до Владимира, а уже оттуда зафрахтуем корабль. Можно уйти пешком, придерживаться тракта и избегать поселений, постоянных дворов, где окопались соглядатаи князя. Но это потеря времени, да и ты не выдержишь длительных маршей. Железку не рассматриваю. Не исключено, что поезда проверяют на каждой станции, а наши портреты разосланы по соседним городам и

княжествам.

– А разве воздушные суда не подвергаются досмотру?

– Ну, ты не сравнивай, – за разговором Игнат завел паромобиль, развернул его и покатил по дороге. – Имперская железная дорога находится под патронажем императора, а он ревностно относится к детищу и неукоснительно следит за порядком. Воздушные перевозки – прерогатива частных компаний, за которыми стоят несколько влиятельных родов. Без магов воздуха корабли не летают, сама понимаешь. Отдавать в одни руки власть над небом император тоже не дурак, так что любой гражданин империи вправе купить патент на перевозки, при условии, что у него есть корабль, маг-воздушник и обученная команда. И не забывай об одной мелочи, на борту воздушного судна, как и на морском, действуют законы того княжества или даже страны, к которому оно приписано. Если ты не государственный преступник, местные власти не имеют права тебя задерживать, пока ты не покинул борт. Поэтому всегда уточняй, какой семье принадлежит корабль, прежде чем купить на него билеты.

– Почему-то мне кажется, Шумского этого не остановит, – я хмыкнула с сомнением.

– Согласен, от него жди чего угодно. Поэтому нам лучше убраться до того, как он поймет, что Каменная падь перешла на осадное положение. Хочу посмотреть на его холеную рожу, когда князь сообразит, что поставок белого камня больше не будет, – Игнат мстительно усмехнулся. – Интересно даже, как он объяснит императору, что в роду Забелиных, который Шумский так поспешно объявил погибшим, выжил законный наследник.

– Выкрутится, сволочь!

– Это вряд ли, – брат притормозил у дома старосты деревеньки Булыгино, через которую проходила дорога на Суздаль.

Он дождался, пока к нему выбежит мужик и согнется пополам в приветствии. Судя по красной рубахе, крошкам в бороде и нависающему над кушаком животу, сам староста пожаловал. Причем прямо из-за стола, вон жирные пальцы украдкой об штаны вытирает.

- Чего изволите, барин? Что привело вас в мой скромный дом?

«Ага, скромный! – я фыркнула мысленно. – Самый добротный в деревне. Больше, наверное, только постоянный двор на въезде. Но и тот, скорее всего, ему же принадлежит».

- Собери покушать в дорогу. Спешу вот, по личному поручению Его сиятельства князя Агнияра Святозаровича.

- Так это... – мужик согнулся еще ниже, едва заслышав, с кем имеет дело, – сейчас жинка соберет. Извольте подождать, а то и к столу прошу, не побрезгуйте, ваш бла-ародие!

- Некогда мне! Лучше поторопись! – нервно прикрикнул Игнат.

Мужик попятился, кланяясь и не смея повернуться спиной, потом как гаркнет:

- Лидка, где ты ходишь? Вашбродь ждать не будет! Живо сюда!

За окном, выходящим на улицу, что-то грохнулось, послышался звон посуды, причитания, топот. Наше появление навело суету в доме старосты. Тем не менее через десять минут мужик с поклоном передал корзину с припасами. Игнат молча принял ее, кивнул, что доволен и кинул старосте кошель с мелочью, срезанный с дружинника. Если не ошибаюсь, там было монет десять серебром и горсть медяков.

Как мы покинули деревню и что происходило в течение получаса, пока я набивала желудок, выпало из поля зрения. Когда пришла в себя, поняла, что мы свернули с дороги в лесок и остановились на полянке. Игнат перебрался в салон, уселся напротив и, подперев голову кулаком, наблюдал за тем, как я ем.

- Накушалась, деточка? – язвительно поинтересовался он.

- Ну я... это... да! – утерла рот тыльной стороной ладони и потупилась, – будешь? – протянула надкусанную куриную ножку.

Учитывая, что это все, что осталось от целой вареной курицы, мне сделалось стыдно.

– Нда-а, и куда только влезло? Хорошо, я еще пирогов прикупил, а не то остался бы голодным. – Брат выставил пакет с выпечкой. В кружку налил молочка из кувшина, который достал следом. Ножку забрал, а вместо нее вложил в руку теплый еще и одуряюще пахнущий пирожок. Я чуть не застонала от удовольствия, когда впилась в мягкую сдобу зубами и проглотила ее в один присест. – Троглодит! Удивляюсь, как еще меня не сожрала? – с насмешкой констатировал Игнат.

– А можно было? – я окинула мужчину взглядом, облизнулась.

– Ладно, – вздохнув, брат посерьезнел. – Если без шуток, нельзя доводить себя до такого состояния. Опасно для здоровья, и вообще. Я тут подумал по дороге, прикинул, какое расстояние сократили, воспользовавшись тропой. Выходит, твой предел – две-три версты. Это, если перемещаться с попутчиком, одна, вероятно, уйдешь дальше. Но я бы не рисковал так, чтобы не оказаться непонятно, где и совершенно без сил.

– Непонятно, где и не получится, – ответила я, сыто икнув. – Нужно знать конечную точку или хотя бы видеть ее.

– Ага, – Игнат кивнул, – тогда запоминай место, на случай если придется срочно уходить.

Я вышла из машины, обошла полянку, впитывая как можно больше деталей. Для верности вырезала ножом инициалы «Н.З.» на дереве. Теперь точно не обознаюсь!

Воспользовавшись моментом, я еще прогулялась до кустиков, после чего вернулась к машине и забралась внутрь. Игнат завел паромобиль и вырулил на дорогу. На въезде в город нас пропустили без досмотра и дальше народ шарахался в стороны, завидев гербы на дверцах. Проскочив Похвалынскую слободу, пересекли мост и устремились к причальным башням Бамбурихи. Они возвышались над городом будто зубья короны, соперничая с белокаменными башнями княжеского кремля.

– Странно, я думал «Буря» улетел на рассвете, – Игнат притормозил перед седьмым причалом возле билетной кассы, где кишел людской муравейник. Подобная суета – привычное состояние любого порта, будь он воздушный, речной или морской. – Пойду узнаю, в чем причина задержки. Из машины ни ногой, поняла?

Брат смешался с толпой, а я заперлась изнутри и занялась тем, что глазела на прохожих.

– Эй! Как там тебя? – кто-то поскребся в дверь паромобилия. Я отшатнулась в глубь салона, опасаясь, что меня узнали. Вроде бы никого из знакомых не увидела, но мало ли! – Пс-сть! – стук раздался с другой стороны.

Я осторожно подобралась к окошку и прилипла к стеклу, разглядывая, кто же это такой настырный.

– Ты чего тут забыл? – узнала вихрастую макушку Егорки. На чумазой мордахе добавилось синяков. Один глаз заплыл, отчего лицо мальчонки казалось перекошенным. – Иди отсюда! – жестом показала убираться подальше. Но пацаненок помотал головой и провел ладонью по шее, давая понять, что ему голову оторвут. – Можно подумать! – я фыркнула, но сжалась, открыла дверцу и запустила нахаленка внутрь. – Чего хотел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/boyarova_melina/talisman-dlya-knyazya-schit-roda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)